

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИМАН КАЛЬБИ

БРАТ ЖЕНИХА.

18+

ЦЕНА ИЗМЕНЫ

Иман Кальби

Брат жениха. Цена измены

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70271524

SelfPub; 2024

Аннотация

– Знакомься, малыш, это Алекс, мой старший брат. А это Дана, моя невеста, – с энтузиазмом представил нас Игорь. Я замерла, кажется, забыв, как дышать. Алекс молча кивнул, посмотрев на меня так, что внутри все похолодело. – Простите, отойду, – произнес Игорь, смотря на дисплей пищащего телефона. Стоило нам остаться вдвоем, Алекс придвинулся ближе, чтобы я могла расслышать сквозь громкую музыку ресторана его хриплый голос. – Дана... Красивое имя... Жаль, что я не знал его, когда... Нас отделял только стол, но я даже на расстоянии чувствовала его дыхание. Горячее. Порывистое. Порочное. Внутри все сжалось от страха разоблачения и шока нашей неожиданной встречи. Ведь я думала, что она больше не повторится... – Значит, родственниками будем, Дана?, – усмехнулся, прожигая. Знала бы я тогда, сколько всего будет скрыто в той усмешке, такой же кривой и извилистой, как пути нашей судьбы... Какую цену я заплачу за свою измену...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	56
Глава 9	64
Глава 10	70
Глава 11	77
Глава 12	83
Глава 13	91
Глава 14	97
Глава 15	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Иман Кальби

Брат жениха. Цена измены

Пролог

-Ты боишься? Почему дрожишь?— его голос низкий, глубокий, с хрипотцой.

Молния платья едет по позвоночнику, заставляя чувствовать, как по оголяющейся коже бегут мурашки. Я вздрагиваю, когда одно его выверенное движение руки заставляет наряд упасть к ногам. Чувствую горячее дыхание на затылке. Он, должно быть, слегка наклоняется и всасывает мой запах- я кожей ощущаю, как ноздри этого идеального римского профиля поглощают меня, мою ауру, мою волю.

Я теперь в одних трусиках. Со всей силы сжимаю прутья решетки на окне руками. Нас двое в темной комнате. Этот мрачный помпезный дом в стиле тяжелого люкса похож на тюрьму, пусть и шикарную. Порок здесь впитался в венознокрасную тканевую обивку стен. Она нарочито мягкая- чтобы глушить удары сердцебиения. Потому что неважно, по какой причине ты сюда попала- происходящее здесь- это слишком, это через край.

Что я здесь делала? Что хотела доказать себе и миру... Почему внутреннее «я» снова и снова толкает меня на оче-

редное безрассудство? Почему плохая девочка во мне снова побеждает?

Дана, опомнись, наконец... Хватит... Это сумасшествие. Порочное, дикое сумасшествие.

Разум на секунду проясняется... Вдруг я отчетливо вижу происходящее со стороны. По телу пробегает дрожь уже не возбуждения, а самой настоящей паники. Я в комнате с совершенно незнакомым человеком, который раздел меня почти до гола и хочет от меня понятно чего, судя по упирающейся мне в поясницу каменной твердости... Надо бежать...

—Извините, я... Я не готова.— пишу невнятно, резко разворачиваясь и стыдливо прикрываю грудь. Разум немного прояснился— а с ним появилась и стеснительность,— это... ошибка...

Ресницы подрагивают. Как хорошо, что глаза частично скрыты маской. Так он не увидит моего страха и смятения. И стыда. Ненавидела эти три чувства. С детства ненавидела. Может, именно поэтому я здесь?

Мужчина хмыкает, порочно кривя идеальный рот. Мои слова его, казалось, даже не тронули. Просто белый шум... Его маска давно валяется на полу. Он не боится того, что его узнают. Создается ощущение, что он вообще ничего не боится...

—Это игра такая? Решила меня еще сильнее завести? Не нужно, красотка. Я и так возбужден до предела... Есть в тебе какая-то противоречивость. Вроде бы робкая и пугливая, да

только это на поверхности. Внутри у тебя огонь... Горячая, ненасытная, без царя в голове... У меня на такое чуйка... Как увидел тебя, сразу решил, что сегодня трахну. Иди сюда...

Он в буквальном смысле разлепляет мои руки, зажатые в замке. Наклоняется прикусывает сосок, заставляя вскрикнуть и дернуться.

Мое робкое «нет» тонет в его жестком смехе. Смехе победителя, опьяненного похотью.

– Забудь слово «нет», пока ты подо мной. Я не знаю отказа, наивная... Раньше думать надо было. Теперь дороги назад нет.

Поднимает, как пушинку, над землей. Три больших размашистых шага – и я лежу распластанной на кровати.

Его мощные бедра зажимают мои, не позволяя сдвинуться с места. Один рывок – трусики на мне превращаются в кусок тряпки, которые он отшвыривает.

– Расслабься и получай удовольствие, красотка. Тебе понравится... Ты ж за этим пришла... Новых ощущений захотела. Дам я тебе таких новых ощущений...

Глава 1

Неделей раньше

Вечерело. За окном снова снег. Как мы вообще живем в таких условиях? Как я вообще здесь живу? На синтетических витаминах в борьбе с авитаминозом и дефицитом солнца. На двух чашках крепкого кофе до десяти утра, после которых все равно тянет ко сну. На мечтах о долгожданном лете, таком же далеком, как предстоящий отпуск, ибо работодатель не будет работодателем, если не выжмет до него из тебя все соки, а если ты сам себе работодатель, то дело еще хуже- ты просто живешь работой и не можешь позволить себе от нее оторваться...

Белое безмолвие- невнятное, местами слякотное, с небрежным оттенком серости, оголяющее все неприглядное. Делаящее даже из милых дачных коттеджей какие-то кривые гнилые зубы. Я не любила зиму, даже не так. Ненавидела. Но парадоксальным образом мне приходилось терпеть и жить там, где добрых шесть месяцев зима...

Правда, разве только это мне приходилось терпеть? Вся моя жизнь- это цепочка клишированных действий, подчиненных каким-то универсальным социальным правилам и критериям. Помните «премудрого пескаря» из школьной программы у Салтыкова-Щедрина? «Как бы чего не вышло»...— вот девиз моей жизни. Ни вправо, ни влево- только

по центру. Только по правилам, чтобы достойно, чтобы как у хороших людей...

Прикладываю горячий лоб к холодному стеклу и жмурюсь от мимолетного облегчения. Как же нестерпимо с утра болит голова. Послать бы все к черту и уехать на Бали серфить, или в Кению на сафари, или хотя бы в Египет, смотреть на цветные кораллы и злиться от приторно сладкого «Наташааа» вслед. Но я никуда не уеду, конечно. Сейчас я возьму себя в руки, нащупаю в сумочке завалявшуюся на дне таблетку от головной боли, натяну на лицо дежурную улыбку, поправлю разметавшиеся волосы в идеальную укладку голливудскими волнами, выйду к гостям, обниму деда, поцелую жениха и стоически выдержу все то, что приготовил мне этот вечер. Ради Него выдержу. Нет, не жениха, конечно. Ради дедушки. Я вообще все в своей вот этой «правильной» жизни терплю из-за него. Не хочу расстраивать, не хочу заставлять нервничать и не спать ночами. Он не заслужил такой дрянной внучки, как я. Но что есть, то есть... Главное, что мы друг у друга есть. Никого больше нет, а мы есть... Остались вопреки всему.

Меня вырастил дед. В самые сложные годы- в переходный период, во время гормональных скачков, поступления в институт и на протяжении всей учебы в нем- он был со мной. Правда, до недавних пор с нами была еще и бабушка, но с ней почему-то такой же близости у меня не получилось. Как говорил дед, она никогда не принадлежала семье полностью.

Преподаватель русской словесности в институте, она была вечно завалена тетрадками и методичками, все время повышала квалификацию, все время уходила с головой в освоение ярких новинок современной литературы, «чтобы не отставать от новых поколений», как любила говорить.

Пошевелилась и услышала, как скрипнула старая половица. Помню воскресные вечера на даче, с самоваром и баранками, когда стол на пахнущей теплым деревом веранде накрывали павлопосадским платком, а звон разговоров и посуды не стихал до поздней ночи. Если меня спросят, чувствовала ли я себя когда-нибудь счастливой? Да, чувствовала. Вот в такие вечера. Когда в доме было много народу, в их веселье можно было поймать ощущение счастья и того, что все будет хорошо.

Потом, с уходом сначала родителей, а потом и бабушки, этот дом опустеет до пронзительной боли в груди, словно бы там была дырка и гулял ветер, завывая. Горе умеет обеззвучивать мир вокруг тебя и делать нестерпимо громким мир внутри.

Но мы все равно очень любили дачу с дедом, пусть всякий раз, в летний послеобеденный зной, когда на Николиной горе становилось безмятежно и тихо, когда затихали даже неугомонные работники с Средней Азии, спешившие побыстрее реализовать сложные архитектурные задумки новоиспеченных хозяев-нуворишей в нашем стародачном месте – и только наглые мухи нарушали покой нашего СНТ, сердце

щемило от невероятной тоски и одиночества. Мы улыбались друг другу, но оба чувствовали эту ничем и никем не восполнимую пустоту. Одну пустоту на двоих. Может быть, моя свадьба заполнит эту пустоту... Дед был уверен, что да... Поэтому начать заполнять мы еще решили именно с дачи- из множества гламурных вариантов остановились на том, чтобы провести мою помолвку среди высоких зимних сугробов за окном, в аромате старого дерева нашего семейного гнезда, которое опустело слишком рано...

—Хочу, чтобы детский смех снова слышался в этих старых стенах, Даночка,— улыбался он мне своими добрыми глазами в оправе испещренных морщинами век, когда благословлял на брак, — пообещай деду, что не будете тянуть с потомством, как это сейчас модно у вашего поколения.

Я улыбаюсь и обещаю.

Хотя сама про себя думаю- я и дети... Разве есть в этом мире более нелепое словосочетание?

Сейчас на даче и правда шумно. И правда есть ощущение, что сюда снова вернулась жизнь и веселье. Гости уже прибыли, еда сервирована, играет живая музыка. Все-таки бабушка у меня эстет, бабуля всегда говорила, ее школа. Улыбнулась, вспомнив об их паре. Вот кто и правда всю жизнь душа в душу... Вот с кого бы брать пример... Все вроде бы и правда как раньше, но дежа вю никакого нет. Нет, как раньше не будет. Есть вещи, которые меняются безвозвратно. Потому что происходит что-то такое безвозвратное, что назад уже не

повернуть...

—Даночка, вот ты где,—слышу позади приятный мягкий тенор моего Игоря.

—Иду, зай,— отвечаю, оборачиваясь на него и улыбаясь.

Игорь— мечта любой девушки. Красивый, успешный, добрый и заботливый. В свои тридцать лет уже возглавляет адвокатскую контору. Занимается неизменно выгодными экономическими преступлениями. Заядлый спортсмен, любит искусство и театр. Начитанный, культурный, вежливый...

Нас познакомил дедушка. Вернее, так получилось, что мы встретились на его юбилее. Отец Игоря был сослуживцем деда еще по линии Следственного комитета. Работали вместе. Оба начинали с младших должностей. Оба прошли большой путь. Дед дослужился до прокурора города. Вениамин Львович, его надежный зам, сменил дедушку, когда тот вышел на пенсию. Они не особо дружили за пределами работы— по крайней мере, я никогда ничего особо не слышала про этого самого Вениамина Львовича, но год назад на юбилей деда они с женой пожаловали, да еще и сына с собой прихватили, якобы, за компанию, отдать должное моему дедуле.

Пришли не просто с супругой, а с сыном. Не хочу перегибать палку и говорить, что Мантуровы специально, в сговоре с дедом, подстроили так, что мы познакомились с Игорем. На худой конец, мы ведь могли совершенно никак не отреагировать друг на друга, а в итоге все получилось. Но факт остается фактом— мы вместе уже полгода. Окружающие

на нас не нарадуются- какая красивая пара. Дедушка и его родители совершенно счастливы. Сегодняшний день- логичный исход. То, к чему все шло. То, чего так сильно от нас ждали... Мы станем женихом и невестой. Игорь повесит мне на палец огромный булыжник- а я убеждена, что это будет именно булыжник- большой и сверкучий. Ведь у Игоря все правильно и чинно. Дорого и сердито. Наверняка, Тиффани, наверняка пару карат. И я перейду в новую категорию женских каст – касту невест.

Но ведь это только полдела... Дедушка, казалось, немного расслабившийся от того, что все-таки удалось меня окольцевать, снова напряжется. Потому что после достижения одной цели у него появится новая- поскорее выдать меня замуж. «А там уж и умирать можно»,– ненавистная мною и такая любимая им самим фраза.

На самом деле, я наоборот все делаю для того, чтобы он пожил подольше. Чтобы не нервничал за меня, понимал, что я как за каменной стеной, что у меня достойный муж с достойной работой...

–Это хорошо, что Игорь- адвокат. Значит, не сопляк какой-то. Работа уважаемая и неопасная. А вдвойне хорошо, что занимается экономическими преступлениями, а не всякими там поножовщинами и грабежами... – менторски говорил дед,– я такого посмотрел за свою жизнь, Дана... Следствие выглядит захватывающим только на экране телевизора в детективных сериалах... Если есть возможность держать-

ся подальше от этой грязи, стоит держаться... Вообще, все так или иначе связанное с человеческим кровопусканием- это зло.

—А разве не деньги- самый мощный и грязный стимул для преступлений,— думала я риторически, тут же вторя себе,— хирурги, спасающие жизни, ведь тоже пускают кровь. Но вслух молчала. Зачем мне его лишний раз нервировать? По-своему он был прав. Работа у Игоря всегда найдется, какими бы ни были времена. Значит, будет стабильность. В том числе и в высоком заработке. А разве не такой нужен жених для любимого чада? Состоятельный, уважаемый, успешный, но в то же время, нормальный мужик, а не какой-нибудь Джеймс Бонд заморский...

—Пойдем к гостям?— вырывает меня из мыслей Игорь, прижимая к себе и целуя в шею жарким влажным поцелуям. У него очень красивые губы- сочные и полные. Я любила их целовать. Любила, когда они целовали меня... Рассеянно киваю, делая ровно все то, что я планировала за минуту до его появления.

Снова ловлю вид из окна. Вижу, как безмятежно под окнами кружит снег перед тем, как слиться с сугробами. В этом году он выпал очень рано. Еще только середина ноября- а уже глубокая зима, которой ни конца, ни краю. Сейчас наступит темный вечер, включатся фонари- и снег, наконец, засверкает.

Я тоже так хочу. Не сверкать, кружиться. Тоже хочу вы-

рваться из этих условностей. Поддаться порыву ветра. Освободиться. Быть легкой, невесомой, эфемерной.

Но я не буду этого делать. Потому что это неправильно, ненормально. Потому что никто из окружающих меня не поймет. Потому что тем самым я могу сделать больно тем немногим людям, кто дорог мне и кому дорога я. Я хочу быть хорошей и буду. В конце концов, именно из совокупного понимания того, что есть хорошо, а что есть плохо и складывается наш образ, наше место в этом мире, то есть мы сами.

Возвращаемся с Игорем к гостям. Здесь столько тепла и счастья- искреннего, красивого, заряжающего. И я кажется тоже заряжаюсь. Проникаюсь этой энергетикой, пропитываюсь. Я все-таки счастлива. Чувствую у себя на талии его большую теплую руку. Пробегается по мне любовным взглядом. Я знаю, он любит.

«Мужчина должен любить свою женщину. Души в ней не чаять. В этом есть женское счастье», – помню завет бабушки. И она, конечно же, права, потому что счастье и гармония в спокойствии, уюте и верности. Вот такой была семья моего деда и бабушки. Такой не была семья моего отца и матери... Думаю о них, и, как всегда, внутри все холодеет, а перед глазами начинают бегать черные точки...

На самом деле, это не самое страшное мое состояние. Раньше бывало хуже. До обмороков, панических атак посреди ночи, приступов удушья и паники. Теперь, спустя годы работы с психологом и с самой собой, я научилась прятать те

страхи, прятать те воспоминания, прятать ту себя... Стоп.

Не хочу сейчас об этом. Я в настоящем. В моменте. Рядом со мной любящий мужчина- мечта каждой. Его родители идеальные и тоже без ума от меня. Мы уважаем друг друга. Впереди теперь только счастье и радость... Счастье и радость...

Запала хватает еще часа на полтора. Красивые тосты, веселые шутки, задорные танцы... Я счастлива...

Произношу это про себя как мантру, но чувствую, как идеальная улыбка застывает в неестественном оскале, а взгляд становится стеклянным. Знаете, это как когда пленка старого магнитофона заедает на одном месте. Снова и снова повторяясь нелепым звуком, чуждым, анахроничным, хотя он вроде бы и часть общей композиции.

Лизка выхватывает это мое состояние. Она чувствует меня лучше других. Родственная душа.

—А невесте нужно носик припудрить,— громко хохочет и утаскивает за собой в ванную.

—Ты что?— озабоченно спрашивает, стоит только дверям уборной за нами закрыться.

Подхожу к крану и не обращая внимание на макияж, мочу лицо. Воду делаю холодной-холодной. Настолько, что пальцы сводит. Холод снаружи обычно смывает холод на душе.

—Просто перенервничала, Лиз. Все нормально... Хочу быстрее, чтобы вся эта свистопляска закончилась. Все на меня смотрят, напряжно.

—Дан, вообще-то это твоя помолвка... Может снова к психологу, а? Ну ты уже не первый раз впадаешь в оцепенение...

Я отмахиваюсь от нее.

—Что мне твой психолог... Все, что могла, уже от него получила... Еще и Игорь не дай Бог узнает. Не хочу, чтоб он думал, что я психичка...

—А ты и не психичка... ты просто пережила сильный стресс... В наше время иметь психолога — это как иметь своего парикмахера или стоматолога.

—Да, сильный стресс... — повторяю я про себя и чувствую, как камень на груди становится больше и тяжелее. Он тянет меня вниз. Я захлебываюсь. Но понимаю, что дело-то вовсе и не в воспоминаниях о родителях. Дело во мне. В моем настоящем. В этой гребанной помолвке. Я боюсь. Я чертовски боюсь, а сама не понимаю, чего...

—Дан, что с тобой а? Ну, хочешь, уедем? Прямо сейчас сбежим... Как в детстве.

Я снова вытираю лицо холодными мокрыми руками. Начинаю ровно дышать. Успокаиваюсь.

—Всё нормально. Просто... Тяжесть какая-то на сердце всякий раз, как думаю про нашу свадьбу. Я люблю Игоря, Лиз. И знаю, что с ним мне будет идеально. Мягкий, заботливый, участливый, верный... Именно такой, каким не был мой отец...

—По-моему, ты загоняешься, — выдыхает облегченно подруга, видя, что я вроде бы как прихожу в кондицию, — про-

сто предсвадебный мандраж. Еще бы... Ты ведь жизнь делишь на «до и после». Это ведь два разных мира. И понимание того, что он рядом с тобой теперь навсегда. Многих пугает эта самая константность в отношениях. Постоянство длинную в жизнь. Вот тебя и клинит. Выдохни. Сосредоточься лучше на мыслях о свадебном платье или на медовом месяце. Мы ж не в Средних веках, Дан. На худой коней, всегда можно снова штампануть паспорт и... даже не брать фамилию мужа, кстати... Моя мама вот так рассуждает как раз: три раза была замужем, никогда фамилию не меняла. Говорит- меняла бы полжизни провела в инстанциях по смене документов...

Я улыбнулась Лизке. Классная у нее была мама. В меру веселая, в меру серьезная. Мы с Лизой дружим со школы, поэтому и Еву Васильевну я знаю давным-давно. К ней всегда можно было и на блины прийти, и в грудь поплакаться о неразделенной любви к одиннадцатикласснику. А после того, что случилось в моей семье, она на несколько лет вообще заменила мне так важную девочке при переходе из детства в юность женскую опору. С ней я узнала про месячные, про прыщи от гормональных всплесков, о том, как надевать колготки, чтобы на них не было затяжек и о многом-многом другом, девичьем.

В дверь санузла постучались.

—Дан, все нормально с тобой?-голос Игоря был беспокойный. Бедный парень. Второй раз за вечер вытаскивает меня

из моего личного забвения. Вообще, неправильно я себя веду, нехорошо. Соберись, тряпка...

—Ща, лапуть,— кричу ему через дверь, чтобы успокоить.

Вижу, как Лизка заговорщицки вытаскивает из клатча свое секретное оружие— как мы в шутку называли красивую серебряную минифляжку, которую все неизменно принимали за парфюм. Подруга таскала в нем исключительно хороший вискарь. Односолодовый. Восемнадцатилетний. Не для того, чтоб напиваться, «для блеска в глазах».

—Накатим,— предложила, игриво откидывая крышку, словно бы чиркая зажигалкой.

Я улыбнулась и пригубила, последовав примеру подруги. Действительно, хватит уже копаться непонятно в чем, Дана. У тебя любовь и счастье семейной жизни. И охрененный Игорь стоит под дверью... Беги к нему.

Глава 2

-Даночка,— шепчет он мне в губы, когда мы оказываемся в моей комнате еще спустя три часа веселых плясок и песен. Ноги ноют от успевшей нажать обуви. Скидываю их и блаженно вздыхаю. Его теплые руки на моих голых плечах. Жар крепкого тела, вжимающегося в меня эрекцией, передается и мне.

Ловлю наше отражение в зеркале- мы красивая пара. Он выше на голову. В меру накачанный, такой- успешный. Всегда вижу, как девки на него оборачиваются, где бы мы ни были. И дело не только в хорошей тачке, брендовой одежде и последней модели телефона. И даже не в его симпатичной внешности.

Этот мужчина излучает успех. Вот что есть главный афродизиак нашего времени. У таких обычно все всегда складно- и в голове полный порядок, и на счете в банке, и в личной жизни. С таким хочется быть рядом. Ровняться на него, расти и развиваться рядом. Рожать от такого детей. Это раньше самка человека искала себе пару для продолжения рода в числе тех, кто может мамонта завалить и неандертальца с соседней льдины, а теперь запросы изменились... Никому не нужны боевики, которых интересуют только войнушки.

Он толкает меня к стенке, предусмотрительно подставляя руку, чтобы я не ударилась головой, нетерпеливо задирает

платье в колющих кожу пайетках.

—Блин, стащи его с меня уже скорее... Всю задницу обкололи,— шиплю я, помогая ему с пуговицей на шее.

Тяжелая ткань падает на пол с нелепым плюхом. А я стою перед будущим мужем в одних трусиках. Соски напряглись.

Глаза Игоря сейчас совсем другие, не такие, как обычно. Люблю это его состояние. Он словно бы выходит из своих границ, становится смелее, наглее, более дерзким что ли. Цепляюсь за этот взгляд, как за маяк. Потому что именно он позволяет почувствовать, как между ног влажнеет.

—Иди ко мне скорее,— шепчу ему в губы, притягивая к себе и сама закидывая ногу на его талию.

—Сейчас,— шепчет он сдавленным голосом от возбуждения, нетерпеливо стягивая с себя одежду и... начиная ее складывать. Представляете?! Складывать! Да, пусть быстро и нетерпеливо, но складывать...-Тупица, не взял сменки. Как завтра поеду в город...

Чувствую, как от пойманного вайба возбуждения не остается и следа. Криво усмехаюсь, снова заглядывая в глаза моему мужчине. Нет, сегодня я все равно получу удовольствие от секса. Это ведь, черт возьми, моя помолвка.

Наконец, Игорь, уложив барахло на стул, хватает меня и даже проявляет инициативу. Его руки под моими бедрами. Ойкаю, когда он сгребает меня в охапку и несет на кровать.

—Сладкая,— шепчет полупьяно, нависая сверху.

Я раздвигаю ноги, а потом невольно выхватываю боковым

зрением висящего сбоку от кровати на стене ловца снов, которого сама повесила еще лет восемь назад. Внутри все становится каким-то картонным.

Взгляд сам начинает скользить по комнате и теперь я вижу ее глазами не себя настоящей, а малолетней девчонки. Сама мысль о сексе здесь вдруг становится отторгающей. Вон мои куклы, вон мои школьные книги... Как назло, в этот самый момент слышу, как скрипит половица где-то в соседней комнате. Дед?

Нет.

Группируюсь. Отодвигаюсь к стенке.

—Игош,— называю его так, когда мы только вдвоем,— не могу, сорри... Вдруг подумала, что за стеной дедушка... Прямо фуу... Секс и предки- это странно даже в двадцать пять...

Мне правда не хочется его обламывать, но ломать себя не хочется еще сильнее. И так между нами все сегодня пошло не так, как я мечтала. Лучше отложить это «соитие века» на потом. На худой конец, завтра с утра мы уже возвращаемся в город... Вот и устроим секс-марафон у него на квартире, где не будет моих детских рисунков на стене, за которой спит дед.

Как бы поступил ваш мужчина в такой ситуации? Никто не любит, когда его обламывают в тот самый момент, когда приходится насильно ловить гормоны за шкурку и засовывать их обратно в штаны...

А вот мой идеальный Игорь отнесся к моей эскападе впол-

не себе терпеливо. Пять минут- и мы уже весело разговаривали, совершенно одетые.

—Может чаю... Раз уж пошла такая пьянка...

—Я без чаю не кончаю,— вырвалась из меня тривиальная пошлость и я криво усмехнулась.

Игорь всегда поражался, откуда я знаю все эти быдловатые выражения. Не спрашивайте. У хороших девочек всегда бывают скелеты в шкафу.

—Ты уже думала о девичнике?-спрашивает Лиза, обмусоливая во рту ложку от капучино с таким видом, словно она сейчас играет кульминационную сцену в порно-фильме. Даже мне как-то неуютно рядом с ней сейчас. Наверняка, за соседним столом нарисовался какой-то мачо, перед которым она выделяется. Вот же до чего самцово-ориентированная подружка у меня... Стоит только завидеть особь мужского пола, сразу обтекает феромонами. И ведь как назло, кого ни встретит, одни козлы. Закон подлости...

На душе тухловато. Смотрю в окно- на серо-коричневую кашу под колесами быстро проносящихся мимо автомобилей. Стоит снегу пару дней воздержаться и не выпасть в городе, он даже при всех стараниях московских градостроителей становится серым и неприглядным. Маленькие человечки в оранжевых спецовках на противоположной стороне улицы уже четверть часа вешают на столбы освещения огромную гирлянду. Их труд бессмысленен, беспощаден с точки

зрения КПД, но каким-то удивительным образом, о чем говорит практика, уже к концу недели вся Москва преобразится в ожидании главного праздника страны- Нового года.

И все-таки как же достала эта зима. Скорее бы она закончилась что ли. Летом повеселее. Правда, между зимой и летом весна, а весной наша свадьба... И пусть не все одобрили выбор такой даты. «Все майские всегда маются»— глубоко-мысленно, с видом провидицы заявила мама Игоря, но мы решили так и не иначе. Он решил. Летом будет много работы. Да и я не против. Мне все равно. Главное, деду чтоб уго- дить.

—Не думала ни о каких девичниках, Лиз. Та и кого мне сильно зазывать? Я ни с кем особо не дружу. Только ты и твоя мама, Катька-помощница с работы, но мы не такие уж прям подруги... Уволится от меня- и едва ли вспомнит обо мне...

А она и правда может уволиться. С осени дела в моем рекламном агентстве идут крайне паршиво. И я пока не понимаю, что с этим делать. Игорь тоже обеспокоен этим фактом, обещал помочь.

Игорь вообще очень мотивированный товарищ. И дед считает, что это очень хорошая черта. «Голодранки без роду и племени только в сказках нужны принцам»,— строго увещевал дед с детства. Это он к тому, что я и правда невеста неплохая при всех своих тараканах. Помимо собственного бизнеса, пусть и небольшого, у меня к двадцати пяти годам

даже своя очень приятная однушка в центре. В пятнадцати минутах езды от меня живет и дед- на культовой Фрунзенской набережной. Понятное дело, единственная наследница тоже я. Как и на нашу дачу в престижной Николиной Горе.

— Не ври, не только Катька. Если позовешь свою команду, с которой сдельно работаешь, полно народу наберется. Знаешь ли, это тоже важно- уметь поддерживать отношения с людьми, Дана. Переставай уже социопатить...

— Ну вот правда, Лиз. Зачем нужен девичник? Что невеста преследует, когда его организует?

— Традиция...

— Я могу понять, если и правда традиция. Ну, на Востоке, например, и правда есть смысл проводить девичники- там тебя намывают, набривают, рассказывают, как мужа ублажить, а мне что расскажет Глаша Сидорова, которую я зову гримером на съемки роликов время от времени? Как заказывать на Алиэкспресс кроссовки-подделки под Найки? Вот лучше в спа сходить за эти деньги, на массаж.

— В спа ты и так каждый выходной ходишь. Да и в медовый месяц вы явно поедете туда, где этих массажей будет вагон и маленькая тележка. Только и будете массажироваться и трахаться. Здесь речь о другом... Понимаешь, это определенная вежа... ее надо запомнить... Многие как раз к девичникам и мальчишникам привязывают нечто сумасшедшее, дико отвязное. Всего один раз. Напоследок, так сказать. Чтобы потом никогда не оглядываться назад и не жалеть... -подру-

га заговорщицки выдержала паузу, прожигая меня глазами,—
Есть у меня одна идея. Я ж как чувствовала, что ты опрокинешь меня с караоке в дебильной белой футболке с надписью «банда невесты».

—Мне прям интересно стало, что ты придумала...

— Особенное место, Дана. Место, где бывают сняты все запреты. Место, где ты станешь частью чего-то таинственного, красивого и чувственного... Каждой женщине хотя бы раз в жизни нужно испытать такое удовольствие... И раз уж с Игорем «долго и счастливо», самое время оставить сумасшествие на этом берегу, но вот каким способом оставить...

Глава 3

Спустя два дня

Дана, что же ты творишь? Куда тебя занесло? Ноги слегка покачиваются на острующих шпильках по гололеду.

Мой путь от машины к особняку занимает пару секунд, но я вся дрожу.

– Настоящие женщины носят под шубки и вечерние платья только туфли даже зимой! – почему-то на ум приходят слова какой-то нелепой героини из очередного бабьего типа мотивационного фильма, ставшего чуть ли не библией нелепых городских клуш. Только вот «настоящей женщиной» сейчас я себя особо не чувствую. Скорее, ряженой. Всё это немного нелепо. Эта скрытность, пафосность, показная анонимность. Водитель, маска на заднем сидении, обязательная явка с этим пресловутым конвертом-приглашением в красном конверте с золотым кантом... Его Лиза передала мне накануне вечером с торжественно-жертвенным выражением лица.

–От сердца отрываю. Удалось достать только одно. Раз обещала, то для тебя. Так что всё как ты хотела- девичник с одной героиней и без нелепых футболок. Зато с тебя теперь, Мальцова, команда футболистов на мой девичник... Или... хотя бы одного нормального мужика из числа прия-

телей Игоря... Задолбалась уже наткаться на одних козлов.

Во взгляде подруги сейчас можно за хвост поймать саламандру-боль. Опять короткий роман с завышенными ожиданиями с ее стороны и разбитыми надеждами по итогам. Очередной женатик с красивыми речами, неплохим членом и короткой памятью...

Я глубоко вздыхаю. Может быть к черту эти авантюры с нелепыми приглашениями в стиле «Призрака оперы»? Задомно и должной не останусь. Где мне ей искать футбольную команду... Или даже приятеля... Думаете, я не раз не пыталась ее свести с кем-то из друзей Игоря? Не знаю, в чем феномен. Не получается. Бегут от нее, как от огня... Логика мужиков странная и совсем другая, не такая, как наша. Нам их не понять, им- нас...

—Ой, Дана. Короче, сходи. Не пожалеешь... В такие места знаешь, как сложно попасть. Тусовка только для своих. Полное инкогнито. Все тайны этого места останутся за его стенами... Так что покайфуй напоследок. Один раз живем. Будет что вспомнить. Тебе нужно хотя бы раз вырваться из этих правил и условностей хорошей девочки. Хоть так! Уверена, Игорек твой тоже от души повеселится со стриптизершами.

—Какими еще стриптизершами?

—Ну а как иначе? Кого еще мужики зовут на свои мальчишники?

На самом деле, мы с ней обе лукавим. Свадьба у меня только в мае, а сейчас только ноябрь. Девичник с мальчиш-

ником соответственно тоже не то, чтобы скоро. Просто Лиза видит, что меня штормит. Вот и рождаются дикие идеи, которые я по своей дурости подхватываю.

С порога отчетливо ощутила запах роскоши... Да, именно роскошь- дорогой табак от сигар, отменный алкоголь, шикарный парфюм. Тяжесть энергетики этого места подавляла. Я чувствовала себя неуютно. Атласное черное платье казалось слишком открытым в зоне декольте, туфли поджимали, шуба то и дело норовила соскочить с плеча.

– Добро пожаловать в мир ваших грез!– забрала из моих дрожащих рук пригласительный ослепительная блондинка в откровенном черном платье- корсете и тоже с маской на глазах. А потом вдруг приветливо улыбнулась, добавив тихо-тихо.

– Расслабьтесь и получайте удовольствие...– повторила слова Лизы, словно бы это было какое-то кодовое слово.

Я нерешительно кивнула в ответ, пройдя вглубь зала. Вертящийся, как листик на ветру, тонкий официант услужливо поднес поднос со стройными хрустальными бокалами, в которых играли пузырьки шампанского.

Отпила, почувствовав, как в голову немного ударила кружащая легкость. Проследовала к бару, увидев спасительные высокие стулья, которые позволили бы мне скрыться от надуманной враждебности зала, спрятаться за вымышленную ширму... Хорошая девочка в душе все-таки победила

плохую... Ладно, посижу полчаса и уйду, поставлю вымышенную галочку, что побывала, попробовала, но не понравилось...

Заиграла приятная музыка. То ли это акустика, то ли репертуар- легкий этноджаз, который словно обволакивал, заставлял чувствовать себя загадочнее, интереснее, чем ты есть на самом деле... А может все дело в пузырьках игристого... Я немного расслабилась и даже позволила себе оглядеть зал.

—Вам не подходит шампанское,— услышала рядом глубокий мужской голос с легкой хрипотцой.

Растерянно повернулась. Скорее автоматически. Я пока не была расположена к беседам.

Рядом сел мужчина. Высокий, широкоплечий, в шикарном костюме и такой же маске, как у меня, только мужской.

—И что же мне пойдет?— усмехнулась, отпивая еще один щедрый глоток. Для храбрости.

Говорить с ним совершенно не хотелось, как и казаться кем-то лучше, чем есть. Но с ходу нагрубить тоже было неприлично. Потому я решила вальяжно ответить на вальяжное замечание.

Глава 4

-Шампанское- напиток ветреных и неглубоких девушек. Ваш напиток- выдержанное вино. Бароло или Бордо. Сложный купаж, чтобы в нем было сразу несколько сортов винограда... И светлого, и красного...

-Надеюсь, это комплимент, а не намек, что я не так молода,— усмехнулась я,— но боюсь, все-таки дело в возрасте, потому что, ветреная я или глубокая- Вам не знать.

Мужчина тоже усмехнулся. Дал сигнал бармену, который, казалось, был сам внимание или уж очень лебезил перед, очевидно, солидным клиентом.

- Возраст вторичен. Гораздо интереснее смотреть на то, как в одном человеке уживаются две противоположности... Хорошая девочка и плохая...

Его тембр, царапающий, шершавый, но в то же время мягкий, послал по телу волнение. Или это его слова меня зацепили... Я чуть заметно вздрогнула, ощутив мурашки на коже.

Через мгновение возле меня оказался красивый изогнутый бокал на тонкой ножке с красным вином.

-За яркие впечатления,— отсалютовал мне. Не чокаясь, но не отрывая от меня взгляда.

Я слегка пригубила и поймала себя на мысли, что напиток и правда был отменным на вкус. А я вот не пила особо крас-

ное вино раньше. Оно казалось мне кислым и серьезным, каким-то взрослым напитком что ли. Игорь вообще почти не пил, а мы могли с Лизкой налечь на сладкие коктейльчики или шампанское в клубе или дома за сериалом, но не более того.

—Что привело такую красавицу в место, где нужно скрывать лицо?—продолжил мой желающий казаться галантным ухажер. Именно желающий. Я ведь рекламщик и неплохо разбираюсь в психологии. В жестах этого мужчины по умолчанию можно было проследить такую жесткость и авторитаризм, что даже хорошее воспитание и выдержка не давали ему скрыть их.

—Как и любого другого человека... Желание убежать...

Он хмыкнул.

— Оригинально... В первый раз такое слышу. А ты бежишь? От чего или от кого?— он так просто перешел на «ты», что стало не по себе.

—И я бегу, и Вы бежите... Не от чего и не от кого. От себя самих... Жизнь идет- и часто не так, как мы это себе представляли. Мы живем эту жизнь и как правило становимся теми, кем быть не хотели. Возводим границы, ставим рамки, проводим красные линии. Все играют роли, навязанные ими обстоятельствами, обществом, судьбой, чувством долга. Называйте это как хотите. Вот от этих ролей мы все здесь и бежим... Было бы иначе- Вы бы не сидели сейчас передо мной в маске.

Он делает паузу, продолжая меня изу

– Знаешь, что может быть соблазнительнее шикарной женщины в откровенном платье на высоких классических каблуках? Той, у которой красивые волосы, собранные в пучок, что дико хочется распустить, чтобы они рассыпались по острым, точеным плечам... Той, которая наверняка в чулках или кружевных трусиках, потому что любит свое тело и носит дорогое белье для себя, а не для других... Той, кто пользуется одними и теми же духами годами, потому что безошибочно нашла свой запах- и теперь он у всего ее окружения ассоциируется только с ней... Так знаешь, что?

Я молчала, пытаюсь подавить свое дикое учащенное дыхание. Он говорил голосом настоящего соблазнения. Именно так звучало искушение... Именно этим голосом, этими словами соблазнил змий-искуситель Еву...

– Женщина, которая философствует... Не умничает, а глаголит истину, потому что она льется из ее души... Не притворяется. Не пытается казаться интереснее, чем есть. А просто говорит правду.

Я не смотрела на него. Почему-то была уверена, что сейчас нельзя на него смотреть. Что мой отведенный взгляд- это из разряда мер самосохранения...

Когда почувствовала, как что-то легло рядом с моей рукой на столешницу, внутренне дернулась, но внешне старалась не шевелиться. Маска. Это была маска. Он снял маску.

Сердце упало в пол. Вот так просто он снял с себя то един-

ственное, что отделяло его от меня как мужчину, а не тень, фантазию, иллюзию... Да, Дана. Этот человек рядом с тобой с голосом шершавого бархата был реальным...

Глаза сами устремились на него. Мне отчаянно хотелось изучить его лицо, впиться в него, прочитать. Частичку из настоящего, реального, телесного. Не эфемерный образ в маске, а реальный... Чтобы запомнить. Это словно кадр из красивого фильма, который хочется пересматривать снова и снова только за эстетику. Этот антураж старого тяжелого люкса, эта атмосфера. Понятно, почему люди платили такие бешеные суммы и так отчаянно хотели сюда попасть. Самая желанная роскошь нашей жизни- это впечатления и воспоминания.

Он смотрел. Вальяжно, по-хозяйски. Ничуть не смущаясь. Не спеша разглядывая в ответ. Пугая своей дерзостью и безнаказанностью...

—Мне нечего скрывать и я ни от чего не бегу, девочка... Я живу ту жизнь, которую хотел прожить. На верхушке пищевой цепочки. Все остальные- внизу. Вот мое правило. Сегодня я хочу, чтобы внизу была ты. Вот ключ от моего номера,— положил рядом с моим бокалом магнитную карту и показал пальцем наверх на дверь одной из комнат.

А я и не знала, что наверху комнаты. Только сейчас разглядела длинный открытый коридор-галерею по кругу и утопленные чуть поглубже двери номеров.

— У тебя есть десять минут, чтобы решить, хочешь ты это-

го или нет. Не захочешь- встаешь и уезжаешь отсюда. Убегашь. Бармен Сева посадит тебя в автомобиль, чтобы ты доехала в целостности и сохранности.

В этот момент бармен, который, казалось, совсем даже нас не слушает, вытирая стаканы, услужливо кивнул, показывая, что если что наготове.

—А если я... захочу остаться, но... не с Вами...— не могла не возразить на его самонадеянность.

Он усмехнулся. Знающе. Порочно. Небрежно. Так же небрежно, как смотрел.

—Другого не захочешь... Здесь я решаю, кто что хочет, девочка... А ты хочешь меня...

Глава 5

Зачем я иду за ним? Зачем беру карту- ключ... Зачем облизываю пересохшие губы, с которых уже успела съесть всю помаду от волнения. Старинные деревянные ступеньки под ногами трещат. Этот исторический особняк в центре Москвы, должно быть, видел немало греха и падений. И увидит...

Шаг, второй, третий. Дикий стук сердца, грозящий разорвать децибелами тонкий шелк платья... Мне страшно и боязно. И любопытно. Внутри зреет интерес. Разумная я, хорошая девочка Дана, хочет остановиться и бежать отсюда, а та, другая, я в маске, я- инкогнито, которая незнакома даже мне самой, летит на яркий свет этого незнакомца, как мотылек на огонь.

Я прикладываю карту к двери, она шипит змеей, а потом щелкает, открывая путь- в неизвестную комнату, к неизвестному мужчине, ко мне самой, неизвестной. Захожу внутрь. Волнение туманит взор. Поэтому я вижу его силуэт- силуэт сильного мужчины- атлета, только вышедшего из душа, чьи бедра обмотаны полотенцем, размазанно. Его рука от запястья почти до плеча увита каким-то черным узором. Нет сил сфокусировать взгляд и рассмотреть его.

Он удовлетворенно выдыхает. Направляется ко мне.

—Молодец, девочка. Ты сделала верный выбор. Нельзя отказывать себе в удовольствии. И мне отказывать нельзя...

Это чревато...

Он подходит совсем близко, а я инстинктивно отступаю назад, упираясь спиной в дверь. Некуда бежать...

—Мне... надо в душ...— полушепотом блею, не осмеливаясь поднять на него глаза.

—Не надо... Мне нравится твой запах,— наклоняется к моей шее и волосам, вдыхает,— я не про духи. Твой настоящий запах. Запах страха и азарта, желания и робости. Ты очень сложная, девочка. Как бароло. И правда от чего-то бежишь... Мужчину всегда влечет загадка...

Он протягивает руки к моей маске, но я их перехватываю, не давая ему возможности ее снять.

—Нет, прошу... Пусть загадка останется загадкой... Это ведь правила.

— Правда. Это твое право... таковы условия этого места. Мы здесь не для того, чтобы срывать маски с лица, а чтобы срывать оковы с запретов. Еще вина?

Я отрицательно качаю головой. С меня достаточно. И так перед глазами все плывет. Пользуюсь тем, что он отошел к бару наполнить бокалы, проигнорировав мое «нет». Подхожу к огромному окну, смотрящему на улицу. Станный дизайн. Кованая решетка изнутри. Не снаружи. Для чего?

Он опережает мой немой вопрос своим ответом.

—Этот дом продуман так, чтобы его посетители получали максимальное удовольствие от своего пребывания в нем. Ты же догадываешься, для чего эти железные прутья?

Он подходит сзади. Кожа покрывается мурашками. Его горячие руки на моих голых плечах.

—Иногда в реальной жизни у женщины столько самоконтроля, что для того, чтобы получить удовольствие, ее нужно лишить даже мобильности... Как новорожденного младенца пеленают или скрывают пальцы рукавичками. Чтобы не поцарапал себя. Забрать на себя всё её управление,— его рука опускается на мою шею и слегка сжимает,— даже дышать разрешить только с позволения... Лишить привилегии говорить... Не для того, чтобы унижить, чтобы расширить сознание...

Его слова пугают. А вдруг он псих? С чего вообще я решила, что могу остаться в закрытой комнате с ним тет-а-тет. Паника заполняет мое сознание, надавливая на виски... И в то же время, ощущаю, как по крови разгоняет чувство азарта, влечения.

Он чувствует мой страх, как вампир кровь свежей жертвы.

Он чувствует мое возбуждение, как самец течку самки в брачный период.

—Ты боишься? Почему дрожишь?— его голос низкий, глубокий, с хрипотцой.

Молния платья едет по позвоночнику, заставляя чувствовать, как кожа покрывается статическим напряжением. Я вздрагиваю, когда одно его выверенное движение руки заставляет наряд упасть к ногам. Горячее дыхание на моем затылке. Он, должно быть, слегка наклоняется и всасывает мой

запах- я буквально чувствую, как ноздри этого идеального римского профиля поглощают меня, мою ауру, мою волю.

Я теперь в одних трусиках. Со всей силы сжимаю прутья решетки на окне руками. Этот мрачный дом похож на тюрьму, хоть в нем все так шикарно. Порок здесь впитался в темно- красную тканевую обивку стен. Она здесь специально мягкая- чтобы глушить удары сердцебиения таких наивных дур, как я... Тех, кто поддался соблазну и пошел на поводу у своей дурости, наивности, чрезмерной любознательности... Всего того, что испокон веков толкало дурочек на неприятности и чего так сильно боялись хорошие девочки.

Что я здесь делала? Кого обманывала? Какие раны пыталась залечить? Что хотела доказать себе и миру... Разум вдруг прояснился... Мне надо бежать...

—Извините, я... Я не готова.— пишу невнятно, резко разворачиваясь и стыдливо прикрывая грудь,— это... ошибка...

На глазах наворачиваются слезы. Как хорошо, что они частично скрыты маской. Так он не увидит моего страха и смущения. И стыда.

Мужчина хмыкает, порочно кривя идеальный рот.

—Это игра такая? Решила меня еще сильнее завести? Не нужно, девочка. Я и так возбужден... Есть в тебе какая- то робость, которая голову мутит. Как увидел тебя, сразу решил, что сегодня трахну. Иди сюда...

Он в буквальном смысле разлепляет мои руки, зажатые в замке. Наклоняется прикусывает сосок, заставляя вскрик-

нуть и дернуться.

Мое робкое «нет» тонет в его жестком смехе. Смехе победителя, объятых похотью.

—Забудь слово «нет», пока ты подо мной. Я не знаю отказа, наивная... Раньше думать надо было. Теперь дороги назад нет.

Поднимает, как пушинку, над землей. Три больших размашистых шага- и я лежу распластанной на кровати.

Его мощные бедра зажимают мои, не позволяя сдвинуться с места. Один рывок- трусики на мне превращаются в кусок тряпки, которые он отшвыривает.

—Расслабься и получай удовольствие, малыш. Тебе понравится... Ты ж за этим пришла...

Я замираю, впиваясь в него глазами. Наверное, так смотрит жертва на хищника в секунду от того, чтобы быть сожранной. Так или иначе, он чувствует этот мой взгляд.

—Ничего не бойся,— шепчет тихо, но так уверенно,— я не причиню тебе зла...

Эти слова идут в диссонанс с его агрессивностью. Но они и правда меня успокаивают

Кладет руку на шею, заставляет приподнять голову, прикладывает бокал красного, стоящего на тумбочке, к губам.

Я жадно пью. У меня нет другого выбора. Он лишил меня его. О мысли об этом между ног все загорается и скручивается в узел.

Струйка рубинового Бордо стекает по подбородку и шее,

он слизывает ее. Ножка хрустального бокала цокает, соприкасаясь со столешницей. Он снова переводит глаза на меня, ложится сверху, разводит мои ноги и резко заполняет собой.

Глава 6

Вскрикиваю и впиваюсь ногтями в его плечи. Мужчина не стонет. Только тяжело дышит. Я словно бы со стороны замороженно смотрю на его действия. Он дегустирует меня, как только что пробовал вино. Его действия как искусство. Никогда такого не видела. Никогда такого не чувствовала.

Глаза с его лица опускаются на мощные руки и замирают на черном изображении, которое так близко и так реалистично, что хочется вздрогнуть. Это татуировка дракона. Агрессивная, даже brutальная, пугающая. Зверь раскрыл пасть и вот-вот тебя спалит, извиваясь в триумфальном танце победителя, словно бы подпитываясь, взаимодействуя с рельефными венами на этих руках... Завораживает. Страшно.

Он замирает. Видит, что я ее разглядываю. А когда поднимаю глаза к глазам, снова смотрит в самую мою душу. У меня дикое ощущение- что он вовсе и не человек. Какой-то дикий, сумасшедший соблазн, который захватил все мое естество. Словно бы он и есть этот самый дракон- его человеческое воплощение...

Даже смешно по-циничному. В преддверии года дракона у меня вот такое ранде-ву, о котором я даже помыслить не могла...

Из оцепенения меня вырывает его резкий толчок внутри, посылающий по всему телу сладкое ощущение напол-

ненности. Второй, третий. Он уже не держит себя. С каждым движением его напор все более яростный, заставляющий блаженно-потерянно откинуться, сдаться, улететь. От его грубых движений меня швыряет по кровати. Тело привыкает к вторжению и подстраивается. Я ощущаю себя женщиной. Настоящей женщиной. Созданной принимать. Созданной получать удовольствие от того, что ее берут.

— Узкая, как целка, но слаще... Не зажатая, но не раскрытая... — шепчет он мне грязно, прикусывая мочку, на которой дрожат мои сережки с фиолетовым аметистом — мой талисман, с которым я не расстаюсь со дня своего пятнадцатилетия. Подарок бабушки, которая говорила, что этот камень охраняет здоровье хозяйки, дает душевное равновесие и защищает от «дьявольского искушения».

От последнего можно бы было гомерически рассмеяться, если бы сейчас мне не было над чем так серьезно сосредоточиться — над этим самым «дьявольским искушением», которое в буквальном смысле пожирало меня всю.

Жесткие губы прохаживаются по подбородку, шее, груди. Втягивают острые пики сосков, заставляют выгнуть спину колесом от грубых ласк, вторящих резким, размашистым толчкам. И кричать, кричать, кричать ему навстречу. Ловить концентрированное дыхание.

— Восхитительная, — шепчет и закидывает мои ноги себе на плечи. Я кричу от страха и глубины, которой меня еще там не касались. Он снова усмехается, заливая меня своим

горячим, как раскаленный шоколад, взглядом. Как же сверкают его глаза. Только один этот взгляд способен привести в сумасшествие любую женщину. Подождите меня осуждать. Если бы видели эти глаза, вы бы и сами потеряли голову. В них огонь. Война. В них сама жизнь и смерть. В них все то, что есть между острым клинком и дико бьющимся сердцем...

Сильная рука накрывает горло и слегка сжимает, фиксируя.

Он замирает, а потом толкается так, что из меня вылетает и крик, и удовольствие, и освобождение... Дух мой вылетает. Стыд и совесть. Окончательно. Бесповоротно.

—Беги, девочка! Убегай от того, от чего так отчаянно бежишь... отпускаяй себя! Кончай!— я не знаю, произносит ли он это вслух. Его голос звучит глубоко во мне, в утробе, в самом моем нутре. Я и правда кричу- никогда не кричала во время секса, а сейчас кричу, царапая горло, срывая голосовые связки...

Теряюсь, падаю, разлетаюсь, нахожу себя через какое-то время сверху на нем. Я так сладко кончила, что сейчас бы впору расслабиться, но... До расслабления еще очень далеко. Потому что он еще не разрешал мне расслабляться. Со всей силы сжимает мои бедра и снова ритмично заполняет собой. Я все еще чувствую, как по телу бегают сладкие судороги, но его похабно-наглые действия снова заставляют бо-

лезненно завертеться узелкам в животе. И я к своему шоку понимаю, что сейчас снова теку. Снова дико его хочу. Снова хочу почувствовать его напор. А еще... Хочу увидеть, как он кончает. Как он кончает со мной. Во мне. Из-за меня...

Притягивает за шею к своей груди, жадно целует соски, зарывает пятерню в волосы... Ощущения такие острые, вибрирующие, Шокирующие, что я на грани, чтобы снова взорваться. Seriously? Спустя всего пару минут после оргазма я снова могу кончить? Я раньше думала, такое только в дурацких фильмах для мужиков бывает. Но происходящее сейчас реально. Я ощущаю эту реальность его каменными мускулами под своими руками. Его хрипом, его дыханием, его мощью... Вот, оказывается, что значит «отдаться». И это не стонать кошкой, пытаюсь поймать одну волну с твоим партнером, чувствуя то и дело накатывающее и отступающее от трения удовольствие. Это гораздо сложнее, интимнее. Гораздо фатальнее...

Он резко запрокидывает меня и прокручивает прямо на себе, заставляя теперь сидеть к нему спиной, разведя ноги, и чувствуя его в себе еще глубже.

—Боже,— вырывается у меня от переизбытка эмоций. Перед глазами темнеет.

—Так меня часто называют...— усмехается, поднимается со мной на себе, наклоняет на весу, ставит на четвереньки, прикусывая покрытую испариной кожу на позвоночнике...

Я чувствую, как живот снова спазмирует, как контроль

окончательно утерян- даже над собственным разумом. Кричу, снова кончая- и слышу на краешке сознания, как хрипит и он. Впервые за все время он стонет- тихо, с рыком, агрессивно. Дико сексуально.

Темнота скрывает нас. Маска все еще на лице, но я все равно перед ним голая. Он оголил нечто большее, чем мое лицо- мою суть. Ту суть, которую я так тщательно пыталась все эти годы скрывать. Заставил почувствовать себя дикой и желанной. Пока еще я не осознаю степени важности случившегося для внутреннего я. Мое естество всё еще вибрирует от того удовольствия, что он подарил... Пока дофамин правит балом.

—Повторим,— слышу, как говорит мне в спину, не спрашивая, утверждая.

Я не успеваю ответить. По спине бегут его поцелуи и горячие пальцы.

—У тебя спина аристократки, девочка. Косточка к косточке. Дико возбуждает...— я чувствую, как его губы смыкаются на моем копчике и жмущуюсь.

—Красивые родинки, как замочек...

Я знаю о чем он, это мое родимое пятно в районе лопаток справа- в виде четырех родинок, и правда напоминающих замок.

—А ключ от него где? Дай найду...— перемещается выше, его тон более игривый и расслабленный. Руки опять на лентах маски.

—Нет, -твердо настроена я не уступать в этом вопросе. Это мое последнее спасение...

Пройдясь поцелуями по спине до самой шеи, отодвигается.

—Я в душ, не хочешь со мной?

Расслабленный тон и расслабленный вид мужчины отрезвляет меня. Пусть между ног все еще вибрирует зудящее удовольствие, меня вдруг накрывает реальность. Огромная ледяная волна реальности. И в этой реальности я лежу голая и оттраханная неизвестным мужиком, который зовет меня в ванную смыть с себя его сперму. А там, снаружи, возможно, всего в паре километров от нас, мой жених... Добрый, хороший, правильный. Мой Игорь. Игорь, которому я сейчас так дико, беззастенчиво изменила...

— Я не хочу,— вырывается из меня с выдохом, ты иди. Я потом...

—Опять включила стесняшку? Ладно, вернусь- поговорим...

Как только дверь за ним закрывается, я сметаю саму себя с кровати, как подорванная, в панике хватаю свои вещи, надевая на бегу бюстгальтер и платье, нахожу на тумбочке при входе сумочку, ныряю в туфли, больно подворачивая ногу, и выбегаю, прихрамывая, прочь из комнаты...

Глава 7

На улице минус десять, но я их не чувствую. Не чувствую, что моя шуба нараспашку, не чувствую, как застывают на лице слезы, тут же превращаясь в льдинки, не чувствую, как морозом обжигает ноги в открытых лодочках. Каблук скользит на запрятавшемся под снежный покров кусочке льда, который не успели «нейтрализовать» реагентом. Меня в последний момент подхватывают за локоть, не дав упасть навзничь.

—С вами все в порядке, девушка?

Концентрирую взгляд на серьезном мужчине средних лет с длинной седоватой бородой. Он не злой, нет. Он правда хочет помочь и сейчас очень озадаченно, тревожно на меня смотрит.

— Да,— пытаюсь звучать как можно спокойнее, мне сейчас не до исповедей и оправданий,— узнала не очень приятную новость. Пару минут- и приду в себя, вызову такси...

—Помощь точно не нужна?— переспрашивает он.

Я уверенно машу головой, благодаря его за внимание.

—Там неплохое кафе. Мне кажется, лучше Вам прийти в себя и подождать такси там, в тепле. Как бы ни было плохо, переживать плохие новости с температурой и больным горлом, и уж тем более со сломанной ногой еще хуже.

Он прав. Я благодаря его за правильный совет. Он-таки

доводит меня до входа в милое кафе с желтыми шторами-воланами, а я смотрю на его удаляющуюся фигуру и мне хочется выть.

Хороший мужчина. Хороший человек. Увидел неадекватата на улице. Не мимо прошел, а остановился. Помог. А я сука. Конченная сука, которая не заслуживает ни помощи, ни того, чтобы ей улыбались приличные люди на улице. И она им в ответ, имитируя свою «нормальность».

Я сажусь за свободный столик, впрочем, таких здесь полно. Кафе не трендовое. Скорее для своих, жителей района. Скидываю шубу, потому что теперь меня начинает словно бы жечь изнутри. На автомате заказываю латте – сейчас бы итальянцы меня прокляли... Латте поздним вечером, какой дурной вкус... Впрочем, у меня дурной не только вкус. Вытаскиваю телефон.

Когда вижу на дисплее два пропущенных от Игоря, меня начинает знобить, а к горлу подступает тошнота. Всплывающие строчки мессенджера на дисплее загораются зелеными вспышками-линиями.

«Зай, ты где...»

«Малышка, отзовись. Все в порядке? Я волнуюсь»...

Не замечаю, как из моих глаз крупными горошинами каплют слезы. Слезы отчаяния. Слезы сожаления. Слезы стыда.

Я сегодня изменила самому лучшему мужчине на свете. Своему жениху. Красавцу. Благородному джентльмену, ко-

торый делает ради меня всё. Я даже не падшая женщина. Я просто грязная шлюха. Шлюха, которую хорошенько поимели- так же грязно, как оно того заслуживает.

Дедушка с детства внушал мне одну важную вещь. Можно быть каким угодно человеком- брызгой, деспотом, идиотом или сумасшедшим гением, можно быть даже эгоистом и нарциссом, но только не предателем. Предательство- самое низменное из человеческих проявлений. И оно не имеет оправданий. Иуда предал Иисуса Христа. Разве есть грех страшнее? Измена- это предательство, но это предательство прежде всего самого себя... Ты перво-наперво изменяешь не кому-то. Ты изменяешь себе. Вы задумывались о значении слова «измена»? Почему мы именно так говорим, почему именно от этого глагола образовываем существительное- «изменить», «менять». Дело не в том, что мы меняем партнеров, мы изменяем себе, мы изменяем своему выбору, изменяем постоянству, своей совести изменяем. Самое страшное в измене то, что она разрушает фундаментальное ощущение порядка и справедливости этого мира, нашего места в нем. Пропадает чувство контроля, самоуважение и понимание, кто вы есть. Измена заставляет по-другому взглянуть на себя. И этот «я»- незнакомый тебе человек... Вот в чем главный парадокс. Вот что я сейчас испытывала. Я чувствовала себя человеком, изменившим своей совести, своей жизни, а не только Игорю. Я это уже не я. А кто? Пока не знала. Смотрела на свой потрепанный образ в черной глади улич-

ного окна- и не узнавала себя...

Телефон снова завибрировал. Сердце ухнуло и упало в пятки. Игорь. Больно. Как же больно за него. За нас.

Оказывается, у истинного раскаяния даже есть вкус. Он горько- солоноватый. И приторный. Нестерпимый. Наверное, это свойство организма- мозг дает ему сигнал и в желудке вырабатывается какая-нибудь там соляная кислота или еще какой-то фермент. Кислота сожаления. Выделяется и жжет. Все внутренности жжет. Оставляет только телесную оболочку.

—Да,— звучу сипло и глухо, но ответить нужно. Это ведь Игорь. Он сейчас деду начнет названивать, у дома нашего дежурить. А я сегодня не в силах смотреть в глаза ни первому, ни второму. Вообще не знаю, как им теперь смотреть в глаза...— привет...

—Дан, ну ты где? Я уже весь извелся! Все нормально с тобой?

—Да, Игош, все хорошо...

Назвала его уменьшительно-ласкательным, таким привычным и интимным, своим прозвищем- и внутри в буквальном смысле все оборвалось. Голос дрогнул. Сука. Ты разве имеешь теперь право его так называть? Нежно, по-домашнему. Твой рот теперь грязный. Ты сама грязная.

— Ты где?

— В кафе в городе, заказницу жду. Она сегодня ночью в командировку улетает, очень хотела встретиться перед отъ-

ездом. Прости, телефон в сумке на беззвучке был, я проект изучала, отвлеклась.

—Тебя забрать?

—Не, отдыхай. Я на машине, сама приеду,— продолжаю врать беззастенчиво. У меня кстати очень хорошо со вра-
нем. Поэтому и в рекламном бизнесе в целом до последнего получалось вполне себе неплохо. Знатная сказочница. Теперь понятно, что это за навык. Всё из той же серии.

—Отпиши обязательно, как будешь дома,— строго наставляет он меня.

Положив, наконец, телефон и выпив залпом капучино, который принесли мне вместо латте, все равно в нарушение всех канонов итальянских кофеманов, я решаюсь скорее ретироваться, чтобы стащить с тела нелепый наряд и просто зарыться под какое-нибудь одеяло. Заныкаться и притвориться, что меня нет. Как дома, когда родители ссорились.

Думаю о том, что пересеку порог квартиры и нужно будет посмотреть себе в глаза в отражении, один на один, и снова начинает тошнить. Но не одной без вариантов. К деду сейчас не поеду. К Игорю- тем более. Лизу тоже видеть не могу сейчас. Начнет приставать с расспросами, а я меньше всего хочу что-либо рассказывать.

Завтра не появлюсь на работе. Сил точно нет. Пишу деду и помощнице Катьке- предупреждаю, чтобы не волновались и не теряли из виду. Каждому вру свое. Это неправильно, конечно. На работе я официально «с температурой». Для деда-

зависаю у Лизки... Игрю тоже нужно будет наврать. Мозг пока туго соображает, работая лишь на одно- самосохранение. Мне нужно спрятаться в свою раковину побыстрее. Как бы ни было сложно один на один с собой, только эта компания сейчас устраивает.

Дорога домой тоже как в тумане. В моих действиях все еще нет никакой логики. Даже странно, что со мной ничего не случилось. Что никакой урод не воспользовался моей неадекватностью сейчас. Хотя, наверное, сумасшествие отталкивает, а разве я сейчас не как сумасшедшая выглядела? Туфли на каблуке, растянутая шуба поверх вечернего платья, размазанная косметика по опухшему от слез и раскрасневшемуся на морозе лицу, растрепанные волосы... Запрыгиваю в первый проезжавший мимо трамвай, лишь бы только быстрее отсюда убраться, даже такси не дожидаясь. Не могу стоять на месте, не могу сидеть. Нужно куда-то двигаться. Опять я бежала от себя.

Не контролирую себя, когда выхожу на первой попавшейся остановке, снова бреду вперед по гололеду, замерзая, но не чувствуя этого. Остатки чувства самосохранения подсказывают мне на задворках сознания, что до дома я в таком виде не доберусь. Словно по мановению волшебной палочки поворачиваю голову и вижу вывеску приличного отеля. Захожу внутрь, беру первый доступный номер. Хорошо, что еще не начался новогодний сезон и в столицу не повалили толпы туристов.

Я один большой комок сожаления. И только когда дверь чужого и холодного помещения, который станет моим временным пристанищем, за мной закрывается, я в полной мере даю волю эмоциям, чувствуя, как по холодным щекам текут горячие потоки слез. Теперь я один на один с бурей, играющей в душе. Сердце горит, пальцы горят, руки горят... Земля под ногами тоже горит. Два страшных чувства - сожаление и раскаяние. Мне страшно, я заблудилась.

Хорошо, что я не дома. Это хоть как-то спасает. Здесь, в чужом безжизненном интерьере, под бесстрастное шипение кондиционера, на идеально отглаженных белоснежных простынях я могу попытаться склеить себя по осколкам. Дома бы я точно рассыпалась, стоило бы мне только взглянуть на мое милое фото с Игорем в рамке или на его любимую чашку с символом родной футбольной команды, которую я сама ему дарила на прошлое 23 февраля и из которой он пьет, когда приходит к нам.

Может мне привиделось это всё? Такой, дурной сон в стиле эротических триллеров? Как у Стэнли Кубрика или Ларса фон Триера. Нет, не сон. Запах мужчины на мне, чужого мужчины, случайного незнакомца, не дает забыть о моем падении. Не дает забыть, что я сегодня совершила.

Захожу в душ, скидывая прямо на пол барахло, которое хочется сжечь, как все воспоминания произошедшего. Встаю под струи воды и долго-долго тру себя гелем для душа с незнакомым, чужим запахом. Может быть, он перебьет

тот, другой чужой запах, что сейчас на мне? Запах Его тела, Его власти, Его доминирования надо мной. Почему я все еще Его чувствую? Тру до покраснения, но все без результата... Он словно бы впитался в мою кожу. А еще я все еще чувствую его между ног... Я чувствую покалывание вспухших половых губ, чувствую ноющую резь при каждом движении. Я могу закрыть глаза и так отчетливо представить, как он вбивается в меня. Ощущение заполненности, подаренное им, настолько явное и отпечатавшееся в воспоминаниях, что у моего тела сейчас «фантомные боли»...

Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем я выбираюсь наружу, ступая на скользкий холодный кафель и накидывая на зябкие плечи, потому что большая ванная так и не успела согреться, пушистое белое полотенце. Мылась, мылась- не отмылась... Нужно спать. Просто забыться. Просто отдаться во власть дикой усталости, которую я почувствовала именно сейчас. Наступит завтра- и тогда я пойму, могу ли все еще дышать или разучилась. Это ощущение мне хорошо знакомо. Когда я жила в нем стабильно. Устать до безумия- и забыться, чтобы уйти от кошмара настоящего...

Где-то в конце тоннеля моего темнеющего сознания я лелею надежду, что на этот раз все может быть иначе. Я ведь стала взрослее, сильнее духом. За спиной многочасовые сеансы с психотерапевтом, задушевные разговоры с близкими, да хотя бы просто жизненный опыт, который позволяет оглянуться на прошлое и переосмыслить по-иному то, что дове-

лось увидеть и пережить. Может быть, -наступит завтра- и я пойму, как жить дальше. Но сейчас я ничего пока не знаю. Не знаю, как буду смотреть в глаза Игорю. Потому что нет сил даже на то, чтобы остановиться перед зеркалом в ванной и посмотреть в собственные глаза.

Глава 8

Телефон разрывался уже раз в десятый за это пасмурное, словно бы отравленное тяжелыми металлами утро. Я догадывалась, кто звонит, хоть и ни раз не взглянула на дисплей. Странно вообще, что трубка всё еще пашет. Как назло-заявки всегда не хватает, когда очень нужно, а когда хотелось бы, чтобы все на фиг отключилось- чтобы можно было оправдать свое молчание нахождением «вне зоны доступа», все исправно тянет до победного конца.

Я стою у окна номера, смотрю на проносящиеся мимо машины на автомагистрали. На душе Марианская впадина. Зябко, хоть кондиционер отключен, а тело закрывает объемный гостиничный халат. Ловлю взглядом свои шмотки, так и валяющиеся на полу с вечера. Снова к горлу подступает чувство тошноты. Делаю себе отвратительный фильтр-кофе, используя кофемашину из номера. На завтрак спускаться желания нет совсем, как и чувства голода.

Нужно что-то предпринимать, Дана. Выбираться. Вылезать. Или уже выбирать правду и всходить на эшафот- как Жанна д-Арк. Или притворяться и дальше играть роль хорошей. Если получится, конечно.

Всё-таки не выдерживаю и отвлекаюсь на телефон. Дед. В сердце гулко ухает. Его вызов я как раз не ждала. Он относится к мобильному телефону как к неопознанному лета-

ощему объекту, который хоть и вошел в нашу жизнь на постоянной основе, но все равно вызывает подозрение. Поэтому наши созвоны обычно по часам... А вдруг что-то случилось? По спине пробегает холодок страха, который на миг отбрасывает все мои мазохистские самокопания.

—Алло, деда, все в порядке?—спрашиваю я, давась от волнения.

—Данусь, извини, что беспокою! Меня Семеныч позвал на юбилей- совсем забыл тебе сказать. К часу приедет машина, заберет меня к ним за город. У него сын дом расстроил, места много теперь. Погощу у него до конца недели, хорошо? Молодость вспомним...

—Хорошо, дедуль! Даже классно...— на глазах проступают слезы. Облегчения. Хорошо, что у него все хорошо. Хотя бы у него.

Дорога домой немного отвлекла меня и я тупо пялилась в уныло-серый пейзаж за окном, без каких-либо мыслей, но стоило зайти в квартиру, чувство царапающей горло вины снова накрыло с головой. Бывают ситуации, когда одиночество нестерпимо. Со мной сейчас было именно так, стоило только снова остаться один на один со своими мыслями.

Пошла на кухню. Надо что-то приготовить. Раньше это занятие расслабляло меня. А теперь вылилось лишь в самопоприцание на фоне ароматов готовящейся еды, которую и есть-то не хотелось- в горле стоял ком.

Накрыла крышкой шкварчающую сковородку, села за небольшой кухонный стол. Не знаю, что дальше. Внутри что-то перевернулось, щелкнуло.

Я пала. Пала добровольно. Добровольно пустила в свою жизнь эту черную токсичную жидкость. Наверное, лучше бы мне изменил Игорь. Потому что как ни крути, мужчина думает в таких вопросах причинным местом, а женщина- душой. Я же поступила как мужчина. Отдалась первому встречному, поддалась импульсу- но зачем? Почему? Я что, и правда шлюха? Ну разве такое бывает с нормальными девушками? Разве можно взять и пойти в койку с первым встречным?

В дверь позвонили- я дернулась. Противный визжащий звонок. Давно хотела его поменять, но дед такой консерватор. Ссылался, что из-за ухудшившегося слуха может не услышать новый звук. Когда увидела на пороге Лизку, не удивилась.

–Вот тебе твой латте, сделаю вид, что не обижена,– протянула с порога подруга бумажный стаканчик, зная, что я предпочитаю.

Я пропустила ее внутрь в полном молчании.

–Ну, теперь не отвертись, нужно поговорить...

Прошла на кухню, избегая зрительного контакта с подругой.

Зачем-то поставила греться чайник, хоть у нас был готовый кофе в руках...

– Не о чем говорить, Лиз...

– Поэтому трубку не берешь со вчерашнего вечера?

– Просто... дела...

– Понятно, дела... – многозначительно сделала паузу подруга.

В комнате снова повисло молчание. А я опять ушла в свои мысли.

– Так и будем слушать тишину, Дан?

Собрала последние силы в кулак и все-таки повернулась к ней.

– Не знаю, что конкретно говорить, Лиза. Гадко это все, грязно. Я пришла туда и почувствовала, что словно чем-то измазана теперь – как смолой, липкой и неприятной...

– Ты мне скажи, что-то было?

Я колебалась, стоит ли говорить подруге или нет... С одной стороны, отчаянно хотелось поделиться, словно бы это немного ослабило бремя моего отчаяния, с другой, говорить ей – автоматически вовлекать ее в мою порочную тайну. Да и вообще, секрет, известный троим, уже не секрет... Троим... Впервые за это время я подумала, что Он ведь тоже живет в этом городе, ездит по тем же улицам, возможно, ходит в те же рестораны, в какие ходим и мы... К отчаянию и сожалению теперь примазалось новое чувство – почти животного страха. Страх быть разоблаченной.

Да, Дана. Ты все-таки выбрала путь плохой девочки, претворяющейся хорошей. Ты боялась правды. Боялась, что все

всплывет. Боялась всё потерять... И перекрыла ту черную правду еще более черной... Мрачно усмехнулась про себя.

– Ну так что случилось, Дан? – продолжала Лиза.

Я не выдержала и заплакала. Бесшумно. Вдавлив кулаки в столешницу.

– Я в любом случае тебя поддержу, слышишь? Там с тобой кто-то грубо обошелся? Что-то плохое произошло?! Кто-то лез через силу? Почему ты чувствуешь себя гадко?! Только скажи- я такой хай подниму! Как ни крути, это и моя репутация, раз я продаю доступ в такое место клиентам... В таких местах ничего через силу не бывает, это условие... Равно как и уважение... Все гости должны...

– Прекрати, – прервала я её верешание.

Да, я забыла сказать. Лиза-отменный эвент-менеджер. Как она сама говорит, человек, доставляющий счастье до клиентов. Через нее можно не только устроить день рождение мечты своему ребенку, но и организовать доступ на самую закрытую вечеринку города. Настолько закрытую, что даже ее саму туда могут не пустить, но ее клиентов пустят. В сущности, так и произошло со мной в этом проклятом месте...

– Нет, Лиза, никто насильно меня ни к чему не склонял...

– И что тогда? Что за слезы, Дан?

– Я сама добровольно переспала с мужиком... Мужиком, которого знала всего десять минут до этого...

Подруга опешила, нервно облизнув губы. Бьюсь об заклад,

она была уверена, что я не переступлю черту. Что остановлюсь лишь на походе в щекочущее нервы место, поиграю в «Широко закрытыми глазами» и убегу в постельку к жениху, жарко трахаться, подогревшись острыми впечатлениями...

Она осела, пытаясь найти нужные слова. Потому что первые пару секунд просто мычала...

– Знаешь, а что в этом такого? Кто вообще узнает?

– Лиз, вопрос ведь не в том, кто узнает. Вопрос в том, что это знаю я. Мне с этим как-то жить. Игорь не заслужил такой подлости... Что теперь вообще будет?-закрыла лицо руками, вздыхая.

– А кто сказал, что что-то будет?! Знаешь ли, не пойман- не вор! Да и вообще, что такое измена? Когда смотришь красивый фильм с крышесносным актером и представляешь его в сексе на месте своего парня- это не измена? А когда на других мужиков на улице заглядываешься? А на работе флирт? Многие психологи вообще говорят, что половые отношения-меньшая измена, чем влюбленность...

–Лиз, при чем здесь влюбленность? Я тебе говорю, что поступила по-скотски. Зачем- сама не пойму. Приперлась в этот притон, бухнула вина с незнакомым мужиком и отда-лась ему, как последняя шлюха! Что я вообще после этого за женщина?! Дед хочет, чтобы мы в церкви с Игорем венчались, а я как пойду с таким грехом в церковь? Как семью с ним буду строить? Какую мораль вообще может такая, как я, дать своим детям?

– Нет больше никакой морали в нашем мире, Дан. Верность, преданность – все эти понятия превратились в пустой звук. Каждый старается взять от жизни максимум удовольствий. Ты хоть знаешь, что почти все изменяют?! А ты в Игре в своем сама-то уверена? Не вижу смысла тебе страдать. Ты ведь отнюдь не светила счастием, когда шла туда. Почему-то не было у тебя дикой феерии, как в страстных романах, с твоим идеальным женихом... Да давай уже на чистоту- у тебя такая кислая физиономия на помолвке была, что я решила, что ты беременна и тебя тошнит! Знаешь, может твоему деду и кажется, что ты вытянула лотерейный билет, но вот я так не считаю, поэтому...

–Поэтому давай закроем эту тему,– резко прервала её я,– тут дело не в том, что ты там считаешь. Дело в моей измене, Лиза...

Та выдохнула злобно.

–Давай еще и меня обвини. Я ж тебя туда затащила.

–Не буду я никого обвинять. Давай закроем этот говно-разговор.

На душе было так же- говено. Ненавидела себя сейчас. Что я вообще за человек, если посмотреть со стороны? Я металась и искала, не зная чего. Про таких, как я, обычно говорят- «с жиру бесится»... Ну ведь и правда- все при мне, а я...

–Ты хотя бы скажи, а тебе-то понравилось? Сам секс-то понравился?– зловеще-заговорщики произнесла Лиза. Только она так умела с детства, будь то обсуждение новой книги

о Гарри Поттере или первого поцелуя с мальчиком. Если бы не мое паршивое настроение, я бы могла сейчас рассмеяться. Но вместо этого я... кивнула. Утвердительно кивнула.

—Понравилось,— произнесла хрипло, сверля пол и вздрогнув от того, что в первый раз призналась самой себе, что это было... феерично.

Глава 9

Понравилось. Да, мне, черт возьми, понравилось... И полное осознание этого пришло именно тогда, когда первый шок и страх отступили и мозг включил инстинкт самосохранения. Говорят, мерзавцам везет. Вот точно. Я еще не успела выпроводить Лизу, как мне набрал Игорь.

Протаращившись секунд десять на дисплей, я все-таки поставила себя нажать на прием вызова, потому что иначе бы не отвертелась простыми отмазками, которые успела сообщить в спарке с подружкой и рассчитывая на ее прикрытие. Но ничего врать не пришлось.

—Малыш, ты как? Не стал тебе звонить с утра рано, чтоб не будить. Как встреча вчера прошла?—спрашивает энергично и деловито. Он в машине. Слышу шум дороги.

—Нормально, хорошо... поговорили... Слегка простыла, видимо. А может вирус наклевывается,— не вру. Ну, хотя бы частично. Потому что горло и правда царапает. Немудрено. Мой организм накануне пережил такой шок во всех смыслах, что заболеть— святое дело.

—Слушай, у меня срочное дело в Питере. Лечу общаться с одним клиентом. Дело сложное запутанное, но есть все шансы выиграть— и тогда будут фанфары. Наверное, дня на три-четыре... Взял билет на ближайший сапсан. Не сможешь тоже приехать?

Хорошо, что связь плохая и он не слышит моего облегченного выдоха.

—Нет, точно не смогу. Работай спокойно. Я дома полечусь.

Кладу трубку и несколько минут просто смотрю в одну точку, чувствуя, как тело отпускает. Как я вся обмякаю. Это тоже подлю и низко- потому что вместо того, чтобы продолжать раскаиваться и посыпать голову пеплом, я испытываю облегчение при одной только мысли, что выкроила три-четыре дня, чтобы снова обрести подобие баланса, понять, как действовать дальше.

Простуда меня правда настигает- ознобом и ломотой в костях. Я меряю температуру, хотя чувствую её и без градусника- 37,5. Самое гадкое ощущение, когда все внутренности наизнанку. Провожу остаток дня и ночь в постели. Голова так сильно раскаляется, что не могу даже смотреть телевизор. Пью чай и воду, которые только и могла себе заготовить. Сил больше нет ни на что. Но это и хорошо, что меня захватила такая слабость. Она выбивает из привычного состояния и забирает вместе с ним все ненужные мысли. Лихорадка не дает сосредоточиться на ощущениях тела и разума. Наш мозг ведь эгоистичен- моментально концентрирует внимание на физическом недуге, а не на моральном. В какой-то момент сознание просто начинает плыть, взрываясь вспышками полувоспоминаний- полуфантазий.

Я в темноте, вижу в конце длинный коридор, уходящий в бесконечность серией ламп. А может это не лампы, а огни

на дороге- какие бывает видно при полете на самолете к городу.

Я бегу. Мне страшно, но интересно. Сердце дико бьется. Делаю шаг-и падаю. Лечу-лечу, пока меня не хватают чьи-то сильные руки. Я их сразу узнаю. Узнаю эту самоуверенную улыбку, узнаю его дыхание и запах.

Он кладет меня на большую кровать, стаскивает одежду. Гладит меня, ласкает до дрожи тела, плавающего под его пальцами, как пластилин. Я чувствую его прикосновения на своей шее, ключице, сосках, талии. И точно знаю- за этой преднамеренной, тягучей, почти мучительной нежностью последует такая же сладкая жесткость, какую хотя бы раз в жизни мечтает испытать в постели с мужчиной каждая женщина. Отдать весь контроль, раствориться в его желании, потому что его желание дает тебе даже намного больше, чем любое из твоих...

Когда он касается меня между ног, нетерпеливо выгибаюсь и кричу. Еще... Еще. Мне снова так сладко. Его губы на моих губах. А ведь в первый раз мы не целовались. Мы целуемся только сейчас- это так красиво и так близко. Мне нравится вкус его слюны, нравится его горячий шершавый язык на моем нёбе. Я, кажется, даже плачу. Снова кричу...

– Плохая девочка,– слышу его шепот на ухо и...

Чувствую, как по телу снова проносится остро-болезненная конвульсия удовольствия на грани страдания.

Перед глазами пистолет, который все еще дымит. И крик-

дикий отчаянный крик. Мой крик...

Резко подскакиваю на кровати.

Я вся потная. Простынь подо мной мокрая и скомканная. Не с первого раза нащупываю телефон. Полчетвертого утра. Должно быть, жаропонижающее все-таки подействовало. Я его выпила, когда отметка на градуснике превысила 38,5.

Трачу не менее часа на то, чтобы поменять постель, принять душ, хотя мне сейчас это жутко неприятно – соприкосновение каждой капли воды с телом как ножом. Наконец, снова плюхаюсь в кровать, ненавидя себя, что в бреду жара я... не просто думала о Нем. Я кончила. Кончила во сне с мыслью об этом проклятом незнакомце, по моей глупости ставшем одной из самых сокровенных, интимных частей меня самой...

А еще я понимаю, что в мой сон о Нем вклинилось нечто другое... То, что на протяжении многих лет заставляло меня просыпаться в холодном поту и с криками на губах. То, из-за чего я боялась закрывать глаза каждый вечер... По телу снова проносится озноб с крапинками холодного пота. Они вернулись. Мои проклятые кошмары вернулись... И теперь я с ним один на один...

В режиме экономии электроэнергии проходят еще два дня. Наверное, моя болезнь- это такая защитная функция организма. И она правда помогла.

Мало того, что интоксикация болезнью существенно

уменьшила объемы моего самоанализа.

Изменилось и мое отношение к произошедшему. Наверное, так бывает у преступника спустя какое-то время, когда он понимает, что не пойман.

Мне уже не так боязно. И что самое странное- не так стыдно. Секс с незнакомцем теперь опять кажется далеким сном, случившимся не со мной.

Я снова могу дышать без боли в грудной клетке и даже вклиниваюсь в рабочий процесс из дома, разговариваю с дедом и Игорем по телефону и в целом просто хочу все забыть, как дурной сон.

Но вот забывается далеко не всё. Те чувства, что мое тело- да именно, тело, это была чистая физиология- испытало в постели с тем мужчиной, было чем-то особенным. Я не могла себя обманывать. Мне не пятнадцать лет. Оглядываясь назад, мне приходится самой себе признаться- это было больше, чем круто. Такого секса в моей жизни еще не случилось. И не случится, конечно. Не потому, что мой Игорь хуже. Просто это антураж и обстоятельства. Говорят, на наши ощущения влияет прежде всего внутреннее восприятие. Всё произошедшее между нами имело такую силу, потому что было запретно и нетривиально.

Но ведь это как с каретой Золушки из тыквы. Наступило 12 часов- и вся магия рассеялась. Я убежала из особняка прочь, сопливая и раскаявшаяся в содеянном, а он... Наверное, вернулся к красавице-жене и любящим детишкам, даль-

ше строить свой бизнес и кошмарить подчиненных... Да-да, я очень хотела верить, что он женат, еще и хороший семьянин. А еще что жуткий деспот на работе, да и дома его побаиваются... Да, образ властный и доминантный, но вполне себе реальный. Потому что если он на самом деле такой, каким предстал там, передо мной- одиноким, бесстрашным, циничным и жестким, драконом, способным испепелить тебя одним дыханием, то... То перед таким мужчиной- самим дьяволом-искусителем – просто невозможно устоять.

Это как кролику смотреть в глаза удаву. Это как мотыльку лететь на огонь. Это фатально, но это неотвратно... Хорошие девочки должны бежать от такого мужчины. И они бегут. Только вот не от него, а с ним...

Глава 10

–Данусь, спасибо! Все очень вкусно!– бодро отрапортовал Игорь, почти не притронувшись к еде.

Он врал, конечно. Там не было ничего вкусного. Вместо сносного ужина я в очередной раз приготовила жениху «свои мысли»– в виде пересоленного супа с подгоревшими гренками.

–Ты ничего не поел,– забрала тарелку, не глядя на него.

Его тактичность почему-то сейчас раздражала. Ну, скажи-ты правду, а? Дана, ты приготовила дерьмо. А он...

–Та мы с ребятами перед выездом выпили на работе немного, Данусь. Не обижайся, не голоден. Колбаска, закусочки под коньячок... Помнишь, тот мясокомбинат в Иваново, который объявил себя банкротом? По нему закрыли дело. Заказчик доволен – хорошо поработали!

Хотелось разрыдаться, швырнув посуду в раковину, и выбежать прочь. Почему он такой приторно хороший? Почему упорно врал, что все идеально? Эти его уменьшительно-ласкательные «коньячок», «светлячок», «бодрячок»... Говорят, люди так выражаются, когда заискивают. Но он же не заискивал- я точно знала. Наши отношения с Игорем всегда строились на равных. Так почему он упорно делает вид, что все нормально? И пусть у меня не хватило смелости посмотреть ему в глаза и сказать, что я поступила ужасно, он ведь мог

хотя бы спросить- Дана, что происходит? Не верю, что он не видел моей пресной физиономии, потерянного взгляда, апатии.

Вот выплеснуть бы это все ему в лицо вместе с горячим чаем. Может хотя бы это привело его в чувства... Я уже представляю, как он вскакивает с места, подавляя крик.

Но вместо этого я ставлю чашку чая перед ним, поймав ручкой фарфора идеальные девяносто градусов с линией стола. Зачем-то кладу рядом сахарницу и конфетницу. Нелепость. Он же не ест сахара...

—Ты молодец, Игорь! Горжусь тобой,— произнесла на одном дыхании. Чтобы он не услышал, как голос сорвался.

Рада я за него? Должна быть рада. Игорь весь поглощен своим успехом и это круто. У него и правда белая полоса. Одно выигранное дело за другим. Дед не без гордости за будущего зятя говорит, что это новой Боровик (прим.-один из ведущих адвокатов 90-х). Но на самом деле, мне все равно на эти достижения. Чудовищно в этом признаться, но именно так.

Что изменилось за эти три недели, что прошли с того рокового субботнего вечера? Ничего. И всё. Я врала себе, когда думала, что не смогу смотреть в глаза Игорю и врать. Смогла. Все мы можем. Не зря говорят- «не зарекайся». Человек никогда не знает до конца своих границ. Не знает, как высоко он может взлететь- и как низко пасть. Никогда не знает, как подло поступит или, например, с чего-то проявит неви-

данное благородство. То, что внутри нас- то ли это пресловутый характер, то ли логика, то ли что-то еще -определяют кривую нашего пути. Мое внутреннее повело меня именно этим путем- молчать. Не высовываться. Пережить... Вот я и переживала...

Я минимизировала личные контакты с дедом. Отвратительно чувствовала себя по этому поводу, но иначе не могла. Созванивались, справлялась о его здоровье, регулярно заказывала доставку еды ему на дом, но посмотреть ему в глаза пока просто не могла. К счастью, со стороны бабушки это не встречало ни обиды, ни недоумения. Во-первых, дед мысленно уже выпроводил меня из гнезда, считая недели до нашей скорой свадьбы с Игорем. Во-вторых, как я поняла путем несложных вычислений- на дне рождения у друга он встретил жену своего старого приятеля, тоже вдову и сейчас они мило общались... Ну а что? Любви все возрасты покорны. Я была рада за деда. Это, пожалуй, единственное, что за эти недели меня реально порадовало.

Игорь... Здесь же как раз радовать ничего не могло. Мои чувства, связанные с изменой, прошли несколько фаз. Агония, сожаление, стыд, шок, отрицание, апатия и... раздражение. Не могла понять, в чем дело, но да, я была раздражена на Игоря. Мы отделились. Я сама отделила себя от него. Смотрела на нас как на пару словно бы со стороны. Думаю, это пройдет. Но пока так.

За эти три недели у нас так и не было близости. Снача-

ла просто одна мысль о том, что он прикоснется ко мне, вызывала панику до тошноты. Я придумала вымышленное воспаление придатков и около десяти дней прикрывалась рекомендацией врача, а потом... Потом, когда тянуть было уже нельзя, зная въедливо-волнительный характер жениха, который бы сам усиленно «занялся моим здоровьем», я просто с замиранием сердца каждый раз ждала, что он захочет секса... Как только думала об этом, внутри все застывало студнем.

Тот день не задался с самого утра. Сначала какой-то грубиян-заказчик, которого следовало послать с самого начала, потом жуткая головная боль, этот отвратительно невкусный ужин, да и вообще, не очень желанный вечерний приезд Игоря ко мне домой...

Не заметила, как он оказался рядом. Как рука легла на мое бедро и сжала кожу.

—Я соскучился, Данусь... Сколько еще терпеть? Что доктор говорит?

Внутри все скукожилось. Сколько терпеть? Нет, неправильный вопрос. Сколько еще я буду врать? Сколько буду откладывать неизбежное?

Повернулась к жениху, улыбнулась ему, преодолевая себя. Надо двигаться дальше, Дан, раз уж ты выбрала путь скрыть правду. Либо побори это, либо проваливай в свою новую реальность, от которой ты так бежишь. Семьи без этого быть не может. Да и кто захочет строить семью с конченной исте-

ричкой с ломанной психикой, еще и изменщицей...

—Можно, только осторожно,— прошептала, выдавливая из себя улыбку.

Хотела добавить что-то из привычно нежного нашинского. Игоша, например... Нем смогла...

Игорь поцеловал мою кисть, проследовал губами по руке, коснулся локтя. Он часто так делал, смотря мне в глаза. И мне это обычно дико нравилось.

Притянул к себе, глубоко вздохнул. Я тоже вдохнула- впитать его запах- знакомые духи, приятная теплота бархатной кожи под пальцами... Это же мой Игорь... Мой! Родной!

—Ты такая красивая у меня, зай... Люблю тебя...— его слова, искренние, честные, сильно резанули по душе.

Мне хотелось дернуть его за шкирку, трясти и орать.

— Ты хоть понимаешь, что я за тварь?! Не нужно меня любить! Я гадкая, подлая предательница! Больно... Никуда от этой боли не спрятаться.

Вместо этого я обмякла. Почти отключилась, с ужасом приходя к еще одному неутешительному выводу- я ничего не чувствовала. Просто дала ему возможность целовать меня, обнимать, пользоваться... Да, именно пользоваться. По-другому я не могла назвать то, что между нами было. У него было мое тело. Моя душа же валялась на полу- порванная в клочья мною же самой. Я закрыла глаза и думала, что это происходит не со мной. Хотела, чтобы это просто быстрее закончилось.

Закончилось... Быстро. У нас не всегда был супер-секс с «хэппи эндом». Бывало, что он доходил до финиша очень быстро- особенно, когда был уставшим или когда перевозбужден. Мне все равно было приятно. Да, не сказка из романов, но неплохой способ расслабиться. Но сегодня это даже нельзя было назвать чем-то на «троечку»...

Игорь, наверное, тоже был недоволен, потому что после сопения от оргазма он просто перевернулся на бок и заснул.

А я пошла в ванную и дала волю слезам, гипнотизируя зеркало.

Кто ты? Почему я тебя не знаю? Спрашивала я себя, смотря в свое уставшее, изможденное от душевных терзаний отражение. Почему прикосновения самого близкого человека на свете стали такими чужими, вызывающими отторжение?

Я плакала еще сильнее, когда понимала, что вопреки воле разума, снова и снова я мыслями возвращаюсь в тот проклятый вечер. Там, в окружении лицемерия и обмана, в масках, ничего не зная друг о друге, с чужим незнакомым мужчиной я испытала то, что никогда со своим женихом не испытывала и теперь казалось, что уже точно не испытаю.

«Всё в нашей жизни имеет цену»,— любила говорить моя бабушка, комментируя любое самое хорошее или самое плохое событие в жизни того или иного человека. Сейчас, опустившись на самое дно своего личного ада, я понимала, что это она- та самая цена, которую я заплатила. И даже не за то, что изменила Игорю. За то, что изменила себе... Что поз-

волила соблазну вытащить наружу бесов, так усердно запря-
танных глубоко-глубоко внутрь...

Глава 11

-Дана, ты не думала о том, чтобы обратиться к специалисту?— озабоченно спросила Лиза, отводя от меня глаза. Она знала, к этой теме если и подходить, то осторожно. Очень осторожно.

Мы были в спортзале. Сегодня круговая силовая. Я как раз поднимала блин, когда она озвучила то, что волей-неволей и так крутилось у меня в голове, но от мысли о чем я так старательно пыталась убежать.

Сделала слишком усердный рывок. Тут же почувствовала острую боль в спазмированной мышце...

-Черт...— блин упал на пол, я скрутилась.

-Все нормально?— чувствую холодные пальцы миниатюрной подружки на запястье и её взволнованные нотки в голосе.

- Не знаю...— отвечаю я и мы обе знаем, что мой ответ адресован совсем другому вопросу.

Дело в том, что вчера ночью я не выдержала и позвонила Лизе после очередного катастрофического пробуждения на грани фола. Не знаю, сколько было на часах. Час, два, три... Кошмары застигали меня в разное время, но отходить от них было в равной степени невыносимым. Ночь от ночи я проживала один и тот же ужасающий момент, который заставлял меня трястись от страха и одиночества темноты. И в то

же время, мысленно я была благодарна, что деда рядом нет и он это не слышит и не видит. И Игоря тоже... Он тоже не должен знать...

Не должен знать, что я сорвалась. Да, теперь это уже было понятно. Годы усердной работы над тем, чтобы научиться жить, как все нормальные люди, насмарку. Чтобы, как говорил дед, создать вокруг себя пояс благополучия и безопасности, сгинули в пустоту. Мне действительно была нужна помощь психолога... И подруга лишь подтверждала мои мысли.

—Мой врач уехала за границу еще несколько лет назад. Говорят, принимает дистанционно, но не хочу общаться с ней по интернету...— бесцветно произнесла я.

—Хорошо, давай найдем нового,— уверенно произнесла Лиза. Она всегда умела не только засунуть меня в задницу, но и вытащить оттуда. Думаю, сейчас, когда она прекрасно понимала, что стало триггером происходящего со мной треша, чувство вины буквально пожирало её.

Я не винила подружку, потому что прекрасно понимала, что не в том вечере дело. Просто я бракованная. А бракованная вещь, даже если её починишь, всё равно рано или поздно снова сломается.

—Вот,— протягивает мне визитку,— мужчина. Один из самых толковых в своей сфере в Москве. Работает по семейной психологии и даже практикует гипноз. Я знаю, что к нему ходит одна из моих клиенток- звезд- и ей очень заходит.

Понятное дело, что Лиза озаботилась проблемой раньше, иначе бы под рукой у нее не было визитки. Просто сейчас для меня делает вид.

Я не отбрыкиваюсь от ее рекомендации. Беру в руку контакт, но и развивать эту тему пока не настроена. Да, одна только мысль о приближении ночи снова вселяет в меня ужас, но это не значит, что я готова бежать и вываливать всё психологу. На самом деле, к этому тоже нужно быть готовым. Даже говорят, что твой настрой- это уже половина пройденного пути.

— А не пробовала ночевать у Игоря? Знаешь, всегда легче переживать кошмары, если рядом кто-то близкий... — очередной аккуратный совет Лизы, который заставляет меня отвести глаза.

Я не распространялась перед ней о своих отношениях с Игорем и уж тем более- о моих последних эмоциях- охлаждении и отчуждении, в некотором смысле даже отторжении.

В моем понимании публично признать это равносильно провалу, реальному фиаско. Так я точно распишусь в своей несостоятельности. Охладеть к любимому жениху из-за одного секса с незнакомцем- это нелепо даже для фильмов и художественных романов...

— Мужчина рядом должен быть надежным во всех смыслах, Дана. Вот тогда жизнь будет ровной и гладкой, а не как у Лануси... — любил наставлять меня дед. — Твоя мама была

такой красивой и такой несчастной...

Такие разговоры всегда заканчивались его влажными глазами и взглядами вдаль. Он боготворил свою дочь. И уверена, ни дня не прожил, сокрушаясь над тем, как не помешал случиться тому, что случилось.

—Моя Ланочка... мой белый кораблик в океане... И почему судьба не послала ей тихую гавань... Почему она швыряла её, как в самую страшную бурю, пока она не порвала свой парус...

Судьба моей матери- действительно сложная тема, которая так и осталась нами всеми до конца не понятой. Но одно было понятно точно- своим долгом, честью, главной жизненной целью и прерогативой дед видел в том, чтобы эту самую «тихую гавань» нашла я. И только для того, чтобы помочь ему реализовать эту цель, я отчаянно отвергала любую мысль о том, чтобы признать в открытую, что с Игорем что-то не так...

Ненавязчиво соскользнув с обсуждения этой скользкой темы, мы обменялись с подругой еще пару десятками общих фраз, доделали свои сеты упражнений и разошлись.

Из спортзала до дома мне было ехать всего пятнадцать минут, поэтому не стала переодеваться. Так и накинула на спортивное трико свой безразмерный дутик, нацепила кепку и спустилась на парковку.

Мысли продолжали хаотично блуждать по мрачным закоулкам моего настоящего. Я зафиксировала краем глаза пару

пропущенных от Игоря. Вспомнила, что мы договаривались сходить сегодня в кино с друзьями. Желания не было никакого, но я, конечно, пойду. Хотя бы для того, чтобы не проводить время тет-а-тет. Мне еще нужно время для того, чтобы успокоиться и достичь равновесия. А оно, непременно, принесет долгожданный штиль и в мой эмоциональный фон вокруг отношений с Игорем.

Спускаюсь на нужный уровень, выхожу из лифта. Под широкую куртку бьет волна холодного воздуха. Как надоели эти неотапливаемые парковки. Сегодня эта еще и темная. Иду быстрым шагом в направлении своего машиноместа и по мере того, как вокруг становится все темнее, внутри все напрягается, а дыхание перехватывает.

Я замираю, словно бы чувствуя на себе чей-то взгляд. Рас-терянно-испуганно оглядываюсь в темноту, словно бы туда, откуда на меня смотрят, хоть это просто мои предположения. По телу бежит холод.

По студеному серому бетону разносится писк сигнализации- и я невольно вскрикиваю. Слышу визг тормозов и вижу, как на параллельном ряду проносится какой-то большой черный внедорожник. Оцепенение переходит в настоящую панику- и я сама бегу- не знаю от чего- к автомобилю, остервенело нажимаю на разблокировку дверей, залетаю внутрь, тут же их блокирую. Страшно. Так страшно, что не могу отдышаться.

А вот это уже не смешно. Паранойя? Мания преследова-

ния? Паническая атака? Как назвать то, что я только что пережила? И это жуткое ощущение... Словно бы за мной кто-то следил... Словно бы чей-то мрачный взгляд неустанно следовал за мной в этой влажной холодной темноте...

Выезжаю наружу. Газую. Огни вечернего города. Час-пик. Суета из машин и людей... Жизнь продолжается. Тотальный ужас, кажется отступает. Но я знаю, что последний из посланных мне подсознанием сигналов- уже не желтый сигнал светофора, а красный.

Я торможу в кармане на автобане, включаю аварийку и вытаскиваю карточку, переданную мне сегодня подружкой. Пять гудков. Но я держу. Потому что знаю себя. Потом опять могу отступить на пару шагов и не перезвонить.

—Алло, здравствуйте, Валентин Михайлович?-читаю имя, изящно выведенное вензелями на верже цвета офф-вайт,—меня зовут Дана Мальцова и я бы хотела обратиться к Вам за консультацией.

Глава 12

Пространство, где принимает Валентин Михайлович, мало походит на кабинет. Скорее, это какой-то белый футуристический архитектурный объект с окнами в пол, через которые видно потрясающий парк. Красиво. Сейчас, когда я лежу на удобном мягком кресле-койке и смотрю на мирно падающий сверху белый снег, мне, наконец, спокойно. Еще ничего не произошло, а уже спокойно. Такое чувство бывает, когда ты уже пришел к специалисту. Потому что правду говорят- сам факт твоего похода- это уже большой шаг в направлении к решению проблемы.

–Дана,– можно буду Вас так называть или Вы предпочитаете по отчеству?-спрашивает он, изучая мой файл. До приезда сюда доктор выслал мне анкету с, казалось, бы самыми разными, не относящимися к делу вопросами. Какой цвет я люблю, какую музыку предпочитаю, самый запомнившийся фильм, дорогая сердцу страна, да чего там только не было... Раньше меня еще не просили отвечать на такие вопросы перед походом к психологу, а ведь я повидала их немало.

–Не надо отчеств, просто Дана.

–Хорошо... Тогда давайте начнем...

–С чего... начинать?– я смутилась. Этого вопроса я очень боялась, хоть и пыталась мысленно его себе задать и даже найти мысленный ответ.

—Дана, говорите о том, о чем хотите говорить. Не давите на себя. Что на душе, что тревожит. Я найду ниточку и зацеплюсь. Главное, Вам быть искренней и расслабиться.

—Хорошо...— сделала паузу и задумалась,— так... с чего начать...

Глубоко вздохнула. Было так много всего и одновременно так мало, чего хотелось сказать...

—Я изменила жениху,— решила не крутить вокруг да около. Вот ведь главная проблема,— и теперь меня мучает совесть. Собственно, за этим я и пришла...

—За чем? За тем, чтобы я дал Вам пилюлю от терзаний совести?— улыбнулся он мне хитро, что мне совершенно не понравилось. Вот совсем...

Внутренняя кошка во мне ошерстилась и выпустила когти.

Я снова замолчала.

—Послушайте, Дана,— он не стал ждать моего нового зачина,— давайте я обозначу с самого начала. Воспринимайте это как аксиому. Даже если сразу не воспримите, задумайтесь. Знаете, что отличает поступок, за который стоит испытывать вину, от того, за который- нет? Зона ответственности. Так вот, когда вы совершаете нечто, касающееся лишь вашей зоны ответственности, вы можете испытывать вину. Но если речь идет об измене в паре- здесь зона ответственности смежная. Понимаете, практика мне показывает, а она, как вы сами понимаете, не маленькая, изменяют не с кем-то,

а почему-то... Так вот это мы с вами и хотим выяснить, дорогая моя. Не то, как вам заглушить голос совести и не думать об измене, а понять себя, понять, что внутри вас заставило пойти на этот шаг. Если вы готовы идти этим путем, мы по нему пойдём. Если нет- то мой ответ будет жестким и категоричным- идите к своему жениху и признайтесь ему, потому что попытка подавить совесть в данной ситуации станет лишь маскировкой гнойника, а он рано или поздно либо прорвет, либо уйдет в еще больший сепсис.

Да, это было сильно. Я даже опешила. Честно говоря, из комментариев Лизы я поняла, что Валентин неординарный психолог со своими методами, но такого я не ожидала. Я была здесь от силы минут пять- а он уже успел в буквальном смысле вытащить меня из зоны хотя бы мнимого комфорта и вывести разговор в русло, о котором я особо даже не задумывалась... Снова уставилась в окно. Теперь уже снег не казался мне таким умиротворяющим и успокаивающим. Наоборот, эта красота природы словно явственно давала понять, как несовершенна я внутри, как мелка в своем стремлении лукавить даже здесь, где мне могут помочь. Щеки горели, словно бы с меня сорвали платье и выставили голышом.

– Это сложно,– хрипло произнесла я. Горло пересохло,– не знаю, что я чувствую. Это сложно. Я люблю жениха, но он стал раздражать. И в то же время, я не понимаю, чем... Еще и мысли... Всё время возвращаюсь в тот вечер...

–Вам понравилось? Вам понравилось изменять?

—Изменять? Нет... Само чувство измены отвратительно. Но... мне понравилось быть там с тем мужчиной... Знаете, это как попасть в вакуум. Может быть, это антураж. Между нами все было максимально дискретно, в очень красивом месте... Мы оба были словно из фильма. Вырезанные из контекста реальности. Может это так и обострило ощущения...

—То есть вы оба играли роли?

—Нет.. Да... Не знаю. Я-точно, а он... Это тоже меня волнует. Какой он в реальности...

—Не хотите узнать?

—Нет!— отрезала я.— Однозначно, нет...

—Врёте. Только что сами сказали, что Вас волнует, какой он в реальности. Значит Вы допускаете возможность еще одной встречи,— он резал безжалостно и смело. Я терялась.

Больно прикусила губу.

—Хорошо, Дана. Тогда так. Вы говорите про роли. Опишите свою роль... В тот момент и по жизни.

Я снова задумалась. Задумалась и усмехнулась. А ведь здесь снова все было намного сложнее...

—Знаете, а ведь я часто ловлю себя на ощущении, что играю роль. Все мы играем. Как минимум, потому, что пытаемся стать лучше, чем мы есть- стремимся к определенному образцу, а ведь он и есть эта самая роль, кем-то и чем-то прописанная. Но сейчас, после измены, я стала ощущать это намного острее. Мое сознание словно бы раздвоилось. Расщепилось на два «я». И самым ужасным было то, что мне все

больше кажется, что я в той, другой реальности, живущей у меня в голове-намного более реальна для самой себя... Эта Дана- «хорошая девочка», умница и красавица, успешный рекламщик, внучка прославленного работника правоохранительных органов, невеста потрясающего мужчины с двумя каратами на пальце словно бы существует как картонка. Но есть и вторая Дана... Та, что вздрагивает и покрывается мелкими мурашками, стоит только вспомнить произошедшее в тот вечер сумасшествие. Та, кто задыхалась от удовольствия и вожделения в объятиях чужого, случайного мужчины.

—Давайте снова вернемся к началу, Дана. Что именно заставляет Вас покрываться мурашками? Этот мужчина – лучший любовник? Он делал с Вами то, что Вы не позволяете жениху? Потому что Вы наверняка знаете, что человек воспринимает реальность через призму своего состояния. В Вашем состоянии было нечто, что заставило Вас мысленно возвращать себя снова и снова в тот момент. Эти же эмоции вытесняют из Вашего восприятия жениха, заставляя на него раздражаться. Он ведь объективно не стал более плохим или менее хорошим. Все его качества остались при нем. Все те качества, что заставили Вас в него влюбиться, что продолжают делать его в Ваших глазах идеальным выбором. Так что это, Дана? Сможете сама найти ответ на этот вопрос?

Я молчала. Думала.

— Может быть, это отсутствие контроля... Его доминантность, лидерство...

Доктор покачал головой, частично приняв ответ, но призывал подумать еще.

– Неординарность ситуации... Адреналин... Отсутствие барьеров и ограничений...

Снова тишина. Снова он заставляет мое сознание вытаскивать наружу какие-то странные оттенки, полутона...

– Как бы Вы объединили все эти понятия, Дана?

–Пфф... Это очень сложно,– почувствовала, как голова голова начинает наливаться тяжестью от напряжения. Наш сеанс не продлился и сорока минут, а я чувствовала себя выжатой как лимон и, в то же время, на душе было легче, чем в начале нашей встречи. Апатия сменилась чем-то иным... Тем, чему я пока не могла дать конкретного объяснения.

–Я не возьму денег за сегодняшний прием. Переспите с тем, что мы сегодня подняли и попробуйте выполнить домашнее задание- найдите общее во всем том, что Вы сами только что назвали. Не просто общее. Общее, которое бы относилось именно к Вам и Вашим ощущениям. А еще сходите на свидание с Вашим женихом. В какое-нибудь очень важное для вас двоих место.

Я вышла с приема под впечатлением. Снег все еще сыпал жирными слипшимися хлопьями и даже цеплялся за ресницы. Я впервые улыбнулась, казалось, за долгие несколько недель. И даже несколько отступило ощущение того, что за мной все время наблюдают... Об этой своей параноидальной стороне я не успела рассказать доктору, но точно знала, что

обязательно приду на следующий прием.

Села в машину и вытащила телефон, чтобы позвонить Игорю сама, казалось, в первый раз за долгое время инициативно предложить ему выйти вместе, но в этот момент увидела пять пропущенных вызовов с работы.

– Да, Кать, – помощница не звонила бы просто так, значит была какая-то проблема или ситуация.

– Дан, привет! Извини, что дергаю, просто у нас явно проблема. Помнишь, тот жирный клиент с большим заказом на рекламу из охранного агентства?

– Да, что такое, вы же сегодня должны были подписывать договор? – признаться честно, мужик всем уже осточертел. За две с небольшим недели обсуждения проекта он раза три уже успел устроить настоящий скандал с претензиями. Это при том, что все время требовал от нас каких-то предложений, идей и решений, а сам давал минимум нужной информации. Наверное, стоило бы его послать далеко и надолго, но за последние два месяца это был самый крупный долгоиграющий заказ, а мне еще нужно было содержать свою контору. Впереди по-любому как минимум пару месяцев вялой работы на фоне свадебных хлопот и медового месяца, так что нужно было набирать «жирка впрок».

– Дело в том, что он не подписывает договор со мной по доверенности. Требуется личного присутствия директора, то есть тебя.

Выдохнула раздраженно.

—Ладно, назначь ему, когда он там хочет.

—Уже,— ответила Катя,— ты ж не подходила к телефону...

Он сказал, что улетает и сможет только через десять дней. Я согласилась, что поделаться...

Да уж, что поделаться. Клиент всегда прав...

Глава 13

Я хорошо училась в школе. Была прилежной и исполнительницей. Любила радовать дедушку успехами и отличными оценками. Он и правда этому искренне радовался.

Роль отличницы мне всегда удавалась на славу. Может быть, именно поэтому я сейчас в ней очень органична. Разговор с психологом меня сильно впечатлил. Впервые появилась надежда, что кто-то, словно остеопат, придет и вправит мне умозрительные косточки на место... И теперь я и правда стараюсь выполнить все его «домашние задания» на отлично.

Первым стало вызывание Игоря на «свидание». Мы поехали на Воробьевы горы. Именно сюда он впервые привез меня, когда мы начали общаться. Именно с ним у меня ассоциировалось это место вечной молодости, безбашенности и ощущения светлого будущего там, на горизонте.

—Помнишь это кафе? Давай зайдем,— увлекаю его за собой по заснеженной аллее. Как же давно мы вот так не ходили вместе— держась за руки, с покрасневшими на морозе щеками и промерзшим от смеха и неугомонной болтовни горлом.

А ведь мозгоправ был прав, простите за тривиальную игру слов. Я словно бы откинула все эти негативные трансформации последних недель в сторону и вернулась далеко назад.

Туда, где его рука-теплая и большая- чувствовалась родной и надежной. Туда, где приятный мужской баритон звучал обволакивающе и интригующе. К знакомым добрым глазам, к мягкой улыбке, к интересным разговорам.

Я довольно смотрела на Игоря со стороны, настолько галантного во всех своих манерах, что даже официантка начала капать слюной на меню, когда он обратился к ней, делая заказ. Вот за это я его и выбрала. За умение себя вести в обществе, за правильную энергетику, за разумную мягкость и непреодолимое мужское обаяние.

Да, в моих мрачных воспоминаниях, вставших между нами забором из кольев, Игорь со своей чрезмерной интеллигентностью казался анахроничным. Но в нормальной среде- в модных московских ресторанах, на улицах в комфортной машине в пробке, в веселой компании за городом в стильном кэжуале он смотрелся так, как должен был по моей жизненной задумке- идеально и гармонично.

Место, куда мы запорхнули, как на первом свидании, располагалось прямо у склона горы, с видом на фуникулер. Сейчас перед нами в огромных окнах в пол раскинулась настоящая сказка с зимой в главной роли. Москва-река, никогда не скованная льдом, вальяжно и медленно проплывала мимо, деревья, облаченные в богатые снежные уборы, что-то нашептывали над ней. А я сразу вспомнила фантастический вид из кабинета доктора. Все-таки именно природа универсальна в своей красоте. Именно в ней все настолько органич-

но и правильно, что не нужно добавлять ни цветов, ни фантазии. Вот в чем истинно и проявляется сила Творца, как бы скептики ни заламывали руки, убеждая нас, что нет никакой высшей силы, управляющей процессами на Земле.

— В прошлый раз мы были здесь летом, — улыбнулся Игорь, накрывая мои пальцы, обнимающие горячую чашку кофе, своими большими кистями. — Я так ярко помню этот день. На тебе было фантастическое платье цвета индиго. И ты сама была для меня как девочка индиго — загадка с внешностью модели. Отец часто говорил, что у Петровича растет внучка-королевишна, а когда я лично тебя увидел, понял, что батя был даже скуповат на восторженные отзывы в силу сухости своей профессии.

— Зато ты применил все свои профессиональные навыки, чтобы меня завоевать, включая красноречие, — усмехнулась я.

Игорь лишь пожал плечами.

— Да, а почему нет? В любви, как на войне — все средства хороши, помнишь?

Улыбнулась в ответ, кивнув. Насколько же далеким от реальности было это излюбленное сравнение. Где война, а где любовь... Это две параллельные прямые, которым невозможно пересечься. Война губит любовь, любовь никогда не появится на развалинах войны — там будут только ненависть и боль... Тогда еще я так думала...

— Слушай, может арендовать этот ресторан под мою дню-

ху?— зачерпнул длинной ложкой пену капучино Игорь. Его глаза горели— всегда, когда он был преисполнен какой-то идеей. А ведь это было почти всегда.

Я напряглась, а потом вспомнила, надеясь, что красный румянец на щеках не разоблачит меня... Не разоблачит то, что я забыла, что у него день рождения на следующей неделе. Черт, если бы не этот намек, я бы и не вспомнила... Стыдоба... Любящая невеста, погрязшая в своей гадкой измене, как в зловонной трясине.

—А что? Локация классная, место не изъезженное, да и символичное для нас— Игорь заглянул в глаза. На самом деле, ему не очень-то нужна была моя реакция. Я его хорошо знала— он ведь уже все решил...

—Мне тоже нравится,— ответила я максимально мягко. Теперь, когда позорная правда моей забывчивости вскрылась хотя бы мне самой, нужно было продемонстрировать максимальную включенность. Может быть, это хотя бы немного помогло мне заглушить голос вины и угрызений совести,— а главное, что здесь можно организовать такой формат, чтобы присутствовали все поколения.

Я точно знала, что Игорь относился к той категории детей, кто никогда не устроит какое-либо крупное торжество, обделив родителей. Их он обожествлял и всегда ставил на самое почетное место. Его семья и правда была образцово-показательной, при том все близкие отчетливо понимали, что это вовсе не наиграно, не для публики. Там и правда царил по-

кой, взаимопонимание и взаимоуважение. Думаю, этот фактор был определяющим, когда дед активно «сводничал» меня. Да в сущности, он этого ведь никогда и не скрывал.

«Всё от семьи, Дана. Мужчину определяет то, в какой среде он был воспитан, какие отношения видел у родителей. Твой Игорь- идеальный семьянин. Достойный, правильный, благородный. За таким реально «как за каменной стеной»...-любил он наставлять меня, незримо подталкивая к спиралеобразному развитию наших отношений с Игорем после каждого свидания. Только с ним дед меня в сущности-то и отпускал на свидания. До него про мальчиков и парней лучше было даже не заикаться. Потому я и скрывала от него вплоть до второго курса института даже походы на дискотеки, прикрываясь ночевкой у Лизы.

—Хорошая идея, Данусь. А правда, давай сделаем несколько столов- рассадим всех по интересам и возрастным группам. Кстати, позвоню в компанию, которую присмотрел как организаторов будущей свадьбы. Заодно их протестируем. Пусть оформят зал, с ведущим поговорим, живая музыка, торт...

Меня даже умилило, с каким энтузиазмом Игорь подходил к своему дню рождения. Я вот свой ненавидела. Искренне, от всего сердца... И всегда принимала поздравления через не могу. Никогда не закатывала шумных веселий, да и некого было мне собирать, если говорить про своих друзей, а не деда, семейных.

–Может я сама всем займусь?– искренне предложила я, выполняя свой план «искупить самовину»,– рекламный бизнес перекликается с организационным... Все, что от меня будет надо сделать...

–Все, что от тебя будет надо сделать, купить себе шикарнейшее платье, любимая,– произнес Игорь, протягивая мне сильно оттопыривающий содержимым конверт,– смотри, какая дичь... Наличные... Последний клиент оказался старой формации...

–Игорь, ну, нет! Ты знаешь, я не люблю принимать от тебя деньги,– категорично возразила я. Одно дело брак, общий бюджет, но сейчас- нет. Свидания, подарки, поездки- пожалуйста, а вот так- переводом или в конверте- это унижительно. Я же не эскортница и сама могу себя содержать...

–Ты не поняла, Дануся... Это на подарок... Твой подарок мне... Подари мне самую шикарную девушку Москвы в самом шикарном платье!– на этих словах его ладонь сильнее сжала мою, а глаза слегка прищурились и заблестели.

Я знала этот взгляд. Он предвещал «романтическое» завершение вечера в моей или его постели.

Глава 14

Никогда не умела оперативно собираться. Настолько, что сама перспектива к определенному времени ехать на мероприятия при параде вселяла в меня панику. Как назло, что-то да обязательно происходило- то парикмахер в последний момент не приходила, то ноготь ломался, то макияж делали такой, что только на панель... Именно поэтому я давно и бесповоротно перешла на «самообеспечение». Если укладка, то собственноручная, если стрелки- то выведенные только своей недрогнувшей рукой. Сегодняшний день не был исключением.

Платье я и правда подобрала изумительное. Игорю должно понравиться. Приятный золотисто- карамельный шелк в тон моим уложенным в мягкие волны волосам ниспадал до середины щиколотки красивой драпировкой, аккуратные лодочки с культовой красной подошвой придавали изящества и пикантности этому образу. В украшениях я была консервативна. И если к шикарному помолвочному кольцу все еще приходилось привыкать, то бабушкины сережки с аметистами- мой неизменный спутник- вписывались сюда просто идеально. Как-то Игорь мне сказал, что они в тон моим глазам. Я удивилась- у меня были довольно обычные, классические карие глаза, но иногда, при определенной игре света, мне и самой казалось, что в них вспыхивает фиалковая за-

гадочность аметиста. Холодный огонь, затаенный где-то глубоко внутри.

И все-таки, я снова опаздывала. Садилась в такси я вовремя, даже с запасом. Как-никак, мне как спутнице-невесте юбиляра, так сказать будущей хранительнице его очага, как любил говорить дед, нужно было встречать гостей рядом с ним. Но внезапно за десять минут до приезда на маршруте образовалась какая-то бессмысленная и беспощадная пробка, напроць лишившая автомобили возможности двигаться.

Игорь звонил уже раз пятнадцать и последние пять я просто не поднимала, потому это начинало ужасно раздражать. Я в такси в средней полосе посреди забитой другими машинами улицы. Что я сделаю сейчас в лодочках на капроновые колготки среди десятиградусного мороза? Один раз я уже бегала, как оглашенная, по улице в таком виде. Ни к чему хорошему это не привело...

Спустя четверть часа мы все-таки сдвинулись и в итоге на день рождения жениха я приехала всего с пятнадцатиминутным опозданием. Благо, что в пробке, судя по всему, очутилась не только я, поэтому на момент появления в ресторане на месте был только Игорь с родителями и его пару институтских друзей, благоразумно и экономично прибывших на метро.

—Дана,— впечатал меня в себя Игорь, притягивая в объятия.

—Прости, не понимаю, что за пробень... С днем рождения,

любимый!— обняла я горячо в ответ,— не сердись! Я же не специально! Посмотри лучше мой подарок быстрее!

Игорь нежно поцеловал меня в уголок скулы.

—Как я могу на тебя сердиться, сладкая? Какой еще подарок?! Ты мой главный подарок! А какое платье! Ты превзошла все мои фантазии!— он нежно ворковал мне на ухо, а я с радостью понимала, что всё хорошо. Теперь все хорошо— мы действительно смогли снова найти друг друга. Вернее, я... У Игоря-то как раз все это время с головой было всё в порядке. Он терпеливо ждал, пока клинить перестанет и меня.

В тот вечер нашего романтического свидания после посещения этого самого ресторана мы все-таки поехали ко мне и занялись любовью. И да, на этот раз это было нормально. Не было ни шока, ни апатии, ни тем более отторжения. Да, не было дикой страсти и каскадов оргазмов до закатывания глаз, как снимают в порнушке, но и не надо. Сидя в теплом салоне респектабельного автомобиля, держа за руку своего мужчину-успешного и воспитанного, я понимала, что дедушка прав. Да, в этом счастье. В нормальной, красивой, безбедной жизни. С этими же мыслями я пригласила его наверх, многозначительно подмигнув, а потом повела в спальню.

— Слава Богу, все наладилось,— прошептал он мне после нашего секса, нежно обнимая за талию,— не трогал тебя, потому что знаю, что девушек может вот так колбасить перед свадьбой. Это хорошо, Дана. Это нормально. Мы будем са-

мыми счастливыми...

Это точно. Мы будем самыми счастливыми...

—Спасибо, конечно, но все-таки посмотри! Я же старалась!

Жених открыл стильный черно-белый пакет, любовно упакованный в одном из самых модных парфюмерных концептуальных бутиков столицы.

—Уникальный аромат- сандал, мускус и запах весеннего дождя. Послушала его и сразу поняла, что хочу его чувствовать на своем мужчине...

Игорь искренне меня поблагодарил, тут же надушившись подарком поверх своего парфюма, дабы продемонстрировать, как он уважает мой выбор. Его, судя по всему, хотя бы для приличия, оценили и родители жениха.

Мама Игоря была очень приятной, спокойной женщиной. И меня это искренне радовало. Я даже представить не могла, что она будет кричать или истерить, выяснять со мной отношение или делить сферы влияния на Игоря. Отец- серьезный, замкнутый, задумчивый... Красивый мужчина. Думаю, в молодости-так тем более. В нем не было сладости, которая чувствовалась в Игоре и явно была унаследована от матери-блондинки. Даже сейчас, несмотря на свой солидный возраст, он вызывал интерес- и я это видела даже сейчас, по взглядам женской половины гостей, которые по большей части уже собрались и расселись в зале.

Наши профессиональные организаторы, которые сейчас

проходили «испытание» перед нашей свадьбой, по мнению Игоря с точки зрения своей идеальности, видимо, призванной переплюнуть свадьбы знатных аристократических дворов Европы, услужливо бегали между столами и выполняли любые поручения жениха лишь по кивку головы.

Я не вдавалась в организационные вопросы, в том числе и в вопросы рассадки, поэтому сейчас, когда все были в сборе, а напротив нас с Игорем все еще пустовало место, недоуменно уставилась на жениха.

– Не успел тебе рассказать, Данусь... Я колебался-колебался, но все-таки позвал своего брата...

– Брата?–спросила я, поворачивая на него удивленный взгляд.

– Помнишь, я тебе рассказывал? У меня по отцу есть старший брат. У нас непросто складывалось общение, вернее, до двадцати лет никак не складывалось... Потом- редко и ситуативно, хотя, признаться, пару раз он мне сильно помог, хоть родители этого и не знали. Мне кажется, тридцатилетний юбилей-хороший повод попробовать наладить мосты, тем более, что он мне может пригодиться по работе... О, а вот и он, наконец, то!– перевел взгляд на вход Игорь.

Я последовала глазами за ним и...

Если бы можно было в буквальном смысле взять и провалиться под землю, несомненно, сейчас я бы это сделала. Не может быть. Ну, просто не может быть... Как?! Страх, ужас и шок сковали меня, словно железные щипцы. Потому что

сейчас к нашему столу уверенно шел... Мужчина из той самой проклятой комнаты. Мужчина, которому я отдалась...

Глава 15

Он идет к нашему столу. И самое чудовищное- смотрит на меня.

Что это? Розыгрыш такой? Месть жениха, который узнал о моей измене? Решил меня публично унижить со сценой?

Руки холодеют, во рту пересыхает, а голова реально очень сильно кружится.

Игорь подается мужчине навстречу. Они сердечно хлопают друг друга по плечам. «Знакомый незнакомец», кажется, отвлекается на Игоря на толику секунды, а потом опять возвращает свой взгляд ко мне, бледной и готовой испариться, была бы моя воля.

—Знакомься, малыш, это Алекс, мой старший брат. А это Дана, моя невеста,— с энтузиазмом представляет нас Игорь.

Я замерла, кажется, забыв, как дышать.

Алекс молча кивнул, посмотрев на меня так, что внутри все похолодело. Задержал пристальный взгляд на моих сережках, а потом чуть заметно улыбнулся. Зловеще.

Мы, наконец, садимся за стол. Алекс, как, оказывается его зовут, садится напротив нас. Он что-то говорит Игорю, протягивает подарок, улыбается. Они оживленно разговаривают, пьют, чокаются и даже призывают поучаствовать в этом меня. Всё как в тумане. Я ничего не слышу, в ушах звенит. Перед глазами мурашки. Ничего не понимаю. Разве может

такое быть? Как?! Как во всем городе я умудрилась переспать с первым встречным, оказавшимся братом моему жениху?!

Что я там говорила? Фортуна на стороне мерзавцев... Все-таки спорный вопрос. Карму никто еще не отменял... Мои мысли в этот момент доказывает Игорь.

—Простите, отойду,— произносит, смотря на дисплей пишущего телефона.

А я начинаю беспомощно хватать ртом воздух, мечтая отчаянно закричать, чтобы он никуда не уходил, но, конечно же, молчу... Я ведь изначально выбрала путь молчания.

Стоило нам остаться вдвоем, Алекс придвинулся ближе, чтобы я могла слышать сквозь громкую музыку ресторана его хриплый голос.

Господи, я надеялась, что нас никто не слышит... Щеки горели.

— Дана... Красивое имя... Жаль, что я не знал его, когда...

Нас отделял только стол, но я даже на расстоянии чувствовала его дыхание. Горячее. Порывистое. Порочное.

Внутри все сжалось от страха разоблачения и шока нашей неожиданной встречи. Ведь я думала, что она больше не повторится, что та ночь станет всего лишь сном, сокровенным воспоминанием. Инстинктивно сжала ноги, словно закрываясь от него, от мира, от постыдной правды...

Он снова посмотрел нагло, открыто и беспардонно в мои глаза и усмехнулся.

–Значит, родственниками будем, Дана?

По телу пробежал холодок. Сколько всего было скрыто в этой усмешке, такой же кривой и извилистой, как пути нашей судьбы...

–Я... я не понимаю, Вы о чем?– дрожащим голосом лепечу я. На самом деле грохот, доносящийся из колонок, не дает моему голосу хоть мало-мальскую силу, но он, видимо, считывает по губам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.